

Агиография и краеведение

Протоиерей Борис Пивоваров

Краткие сказания о начале православного просвещения Сибири, об Абалацкой иконе Божией Матери и о сибирских святыях¹

Преподобный Макарий Алтайский

Свет Христов просвещает всех!

*Возглас на Литургии
Преждеосвященных Даров*

«Первоапостол Алтая» — церковное именование одного из самых выдающихся миссионеров Русской Православной Церкви за всю её многовековую историю — архимандрита Макария (Глухарёва). Просветитель народов Алтая всегда смотрел на миссионерство как на апостольское служение. Муж апостольской ревности, он пламенно желал видеть Русскую Православную Церковь в «сугубом качестве Церкви Апостольской». В 1836 году основатель Алтайской Духовной Миссии писал о высоком апостольском достоинстве Церкви: «Созерцая подобный небесам образ первой Церкви Христовой, начертанный в книге Деяний Апостольских, мы видим, что она вся была Апостольской, что дружина действателей не ограничивалась ни числом двенадцати, ни числом семидесяти апостолов, но возрастала с удивительною быстротою; что все верные или действовали непосредственно как апостолы, или содействовали и помогали апостолам; что между тем как святой Пётр, скованный двумя цепями, находился в темнице, из которой потом изведён чудо-

¹ Окончание. Начало см. «Богословский сборник». 2015. Вып. 10. С. 62–115; «Богословский сборник». 2016. Вып. 11. С. 51–118; «Богословский сборник». 2018. Вып. 12. С. 145–190.

творною десницею ангела, Церковь прилежно молилась о нём Богу; что все принимали живейшее участие в деле Иисуса Христа, которое было своим для каждого, и между тем как одни приобретали Ему новых учеников, другие принимали на себя обязанность пещись о бедных между новыми братьями; что не только всё вещественное было у верных общим, но и сердце одно, единого ищущее и единого любящее, и душа одна, исполненная одних чувствований и помышлений, одних склонностей и отвращений, одних радостей и печалей, происходивших от живого сознания во всех и каждом общего всем назначения.

Как чада света по самому свойству света, который неминуемо сообщает себя всему тому, в чём противления не находит или в чём побеждает противление, они светили Христовым светом в своей окружности, находились ли среди братьев и в церкви, назидая и утешая друг друга и меняясь друг с другом разными благоделаниями, или действовали на внешних, или действителям служили. Но как Господь Иисус Христос во веки Един и Той же и обещался не разлучаться со Своими до скончания века, то первая Церковь Его есть образец, которому Христианская Церковь должна подражать во всяком веке. И хотя внешние выражения, в которых открывается дух Евангелия, могут принимать изменения, но самый дух истинной Церкви Христовой всегда один и тот же — любовь к Богу и к человекам во Христе Иисусе. Чем изобильнее и явственнее сей дух чистой любви Божией в Христианской Церкви, тем более жизни и света Христова в сей Церкви. А чем более жизни и света Христова в Церкви, тем в ней более ревности, усердия и способности к распространению благодатного Царствия Божия на земле, тем имя Церкви Апостольской в ней плодоноснее»¹.

Основанная в 1930 году архимандритом Макарием Алтайская Духовная Миссия была признана лучшей и образцовой среди других миссий, действовавших в пределах Российской империи в XIX — начале XX веков, как наиболее приблизившаяся к идеалу православного миссионерства. «Миссия была для Макария подлинным апостольским подвигом, — писал протоиерей Георгий Флоровский в книге «Пути Русского Богословия». — История Алтайской миссии при архимандрите Макарии это один из самых героических и святых эпизодов в нашей истории»². И спустя десятилетия, как отмечал в 1882 году алтайский миссионер про-

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва, основателя Алтайской миссии» / Под ред. К. В. Харламповича. — Казань, 1905. С. 162–163.

² *Протоиерей Георгий Флоровский*. Пути русского богословия / Пред. прот. И. Мейендорфа. — 2-е изд. — Париж: YMCA Press, 1981. С. 188–189.

тоиерей Михаил Путинцев, «дух отца Макария, дух апостольский, дух любви и братства, благодарение Богу, не оставил нашей миссии: и начальник её, и братия неизменно составляют одну родную семью, идеже несть ни распрей, ни зависти, ни пререканий, — но святая любовь, **а где любовь, там и Бог, а где Бог, там и вся благая**»¹.

Посеянные пламенным проповедником семена Христова учения принесли сторичный плод: к 1914 году созданная архимандритом Макарием миссия включала 604 сотрудника, имела 30 миссионерских станов, 104 храма и молитвенных дома, 4 монастыря, 82 школы, 2 женских общины и объединяла около 70 тысяч христиан.

Родился преподобный Макарий 30 октября 1792 года в городе Вязьме Смоленской губернии в семье священника Введенской соборной церкви Иакова Глухарёва. В святом крещении был наречен Михаилом. От отца унаследовал он любовь и ревность к проповеди слова Божия. Мать Агафия была женщиной весьма образованной для своего времени, имела мягкий характер, отличалась особенным благочестием и строгостью христианской жизни. О благотворном влиянии своей матери и сожалении по поводу её ранней кончины архимандрит Макарий напишет потом в своей так называемой исповеди — одной из самых ранних работ, подготовленной им в Костроме в 1823 — начале 1824 года для настоятеля Глинской пустыни иеромонаха Филарета (Данилевского)². Первоначальным образованием Михаила занимался отец. В возрасте семи лет мальчик уже делал переводы с русского на латинский язык. В возрасте восьми лет был принят в Вяземское духовное училище «прямо в инфиму» (3-й класс), где хорошо учился и имел примерное поведение. Однажды, возвращаясь домой, он простудился, заболел и, по воспоминаниям самого отца Макария, проболевши полгода, чуть не умер. Так с отрочества здоровье его оказалось серьёзно подорвано. После училища Михаил был переведён в Смоленскую духовную семинарию, по окончании которой в 1813 году он был оставлен в ней в должности учителя латинской грамматики.

По Синодальному указу от 22 мая 1814 года семинария должна была отправить двух лучших своих выпускников для формирования 2-го курса

¹ *Протоиерей Михаил Путинцев*. Воспоминания о первом алтайском миссионере, архимандрите Макарии // «Томские епархиальные ведомости». 1882. № 15. Отд. неофициальный. С. 436.

² Рукопись этой работы архимандрита Макария, не имевшая заглавия, была обнаружена К. В. Харламповичем среди бумаг отца Макария в библиотеке Казанской духовной семинарии. Биограф Преподобного дал ей условное название — «Поминование Преосвященного Иова, архиепископа Екатеринославского».

обновлённой Санкт-Петербургской духовной академии — одним из них стал Михаил Глухарёв. Здесь способный, трудолюбивый и глубоко верующий юноша обратил на себя внимание ректора академии архимандрита Филарета (Дроздова), впоследствии митрополита Московского и Коломенского. Архимандрит Филарет стал первым духовным руководителем будущего основателя Алтайской Духовной Миссии. Михаил очень привязался к своему наставнику, в котором видел не столько начальника, сколько отца, развивавшего и усовершенствовавшего своего духовного сына. «Я отдал свою волю Преосвященному Филарету, — впоследствии говорил отец Макарий, — и ничего не делал и не начинал без его совета и благословения, почти ежедневно исповедуя ему свои помыслы».

Благодаря духовному окормлению со стороны ректора Михаил уже в академии познакомился с творениями великих подвижников Церкви — преподобных Иоанна Лествичника, Макария Египетского, блаженного Августина, а также с «Добротолюбием». Здесь Михаил с успехом изучал различные науки, в том числе историю, философию, риторику и языки, о чём свидетельствуют его семестровые сочинения за 1815—1817 годы¹. Но особенно любил он читать Священное Писание. Прекрасное знание им языков древнееврейского, греческого, латинского и двух современных — немецкого и французского — способствовало «всестороннему пониманию слова Божия, глубокому уяснению тайн домостроительства нашего спасения. Неустанно читал и проникался он глаголами жизни вечной, **вселяя в себя слово Христово изобильно**, старался и мыслить, и чувствовать, и говорить словами Священного Писания, считая его хлебом своим насущным. „Слово Божие, — говорил он, — есть всегда приятный, насущный хлеб для души благоустроенной, хлеб светоносный, всегда с любовью радостно приемлемый свыше от Отца светов“. Жизненное и усладительное питание им возносило отца Макария на степень восхитительного, сладостного покоя. Все труды, скорби и неприятности забывались, сердце радостно билось, ощущая **утешения изобильнейшие**. „Слово Божие, — восторгался он — есть дух и жизнь, гармония доброгозвучная и чудотворная, которая отверстыя для неё ушеса сердца пленяет, и они закрываются для слышания нестройных сапелей² лежащего во зле мира сего, очи начинают смеживаться, отвращаться

¹ Глухарёв Михаил Яковлевич, студент Санкт-Петербургской духовной академии. Семестровые сочинения за 1815—1817 гг. // НИОР РГБ. Ф. 173. 2. — Московская духовная академия. № 17. 132 л. — Рукопись. Автограф. На л. 1 запись: «Ученические опыты в сочинении о. архимандрита Макария Глухарёва. Переданы от Его Высокопреосвященства Филарета, митрополита Московского, в 1853 г.».

² Сапель, или сопель — старинное название дудки, свирели.

от суеты, в то время скучной, тягостной; глава богословская склоняется на перси Иисуса Христа; все помышления и чувства, совокупившись, покоятся в мире Божиим, превосходящем всякое разумение“»¹.

Такая глубокая и искренняя любовь юноши к Священному Писанию объясняет, почему впоследствии, благовествуя на горах Алтая, архимандрит Макарий так тщательно работал над переводами Священного Писания на русский язык, а также над составлением «Алфавита Библии» и так много предпринимал усилий для того, чтобы издать их.

В 1817 году Михаил окончил академический курс. За отличные успехи в богословских науках и хорошее знание древних, а также новых языков он был удостоен учёной степени магистра богословия. В июне того же года успешный выпускник Санкт-Петербургской духовной академии был назначен инспектором и преподавателем церковной истории и немецкого языка в Екатеринославскую духовную семинарию, а также ректором Екатеринославского уездного и приходского духовных училищ.

В бытность инспектором Екатеринославской семинарии Михаил сблизился с иеросхимонахом Ливерием, учеником и племянником преподающего Паисия (Величковского), у которого прошёл школу старческого руководства. Впоследствии он писал о старце Ливерии: «Всё, что он ни сделал со мною в руководстве духовном, — мудро, благотельно, свято, от Господа бысть»².

24 июня 1818 года Михаил принял монашеский постриг с именем Макарий, на следующий день Преосвященным Иовом (Потёмкиным), епископом Екатеринославским, Херсонским и Таврическим, был рукоположен во иеродиакона, а затем — в иеромонаха. Указом Святейшего Синода он был причислен к братии Киево-Печерской Лавры.

В Екатеринославе иеромонаху Макарию, как и другим выпускникам Санкт-Петербургской духовной академии, необходимо было проводить реформу духовного образования, осуществлявшуюся в то время, — вводить новые уставы и программы. Но это не всегда находило понимание со стороны представителей старой школы. Сложные отношения молодого инспектора с руководством семинарии и сослуживцами, неудовлетворённость административной деятельностью послужили причиной того, что весной 1820 года он подал прошение об увольнении с должности инспектора. Около года это прошение оставалось без удовлетворения. И только благодаря ходатайству епископа Филарета в феврале 1821 года

¹ *Ястребов И.* Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской Духовной Миссии. — Бийск, 1893. С. 21–22.

² «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 82.

последовал указ о назначении иеромонаха Макария ректором Костромской Духовной Семинарии.

В Кострому он прибыл 20 апреля 1821 года и через три дня вступил в должность. 21 декабря того же года епископом Костромским и Галицким Самуилом иеромонах Макарий был возведён в сан архимандрита с назначением настоятелем второклассного Костромского Богоявленского монастыря, в котором помещалась семинария. В должности ректора Костромской семинарии архимандрит Макарий «всемерно старался поселить дух Христов в заведении, для сего устроенном», однако изменить установленные в семинарии порядки оказалось непросто. Церковно-педагогическая деятельность также не приносила ему удовлетворения. «Труды по семинарии съедают меня, изнемогаю в силах телесных и душевных», — признавался он в письме своему екатеринославскому другу священнику Иоанну Герболинскому в ноябре 1822 года. Весьма тяготили архимандрита Макария и административно-хозяйственные обязанности по монастырю: ему приходилось заниматься его восстановлением, вести большие ремонтно-строительные работы, заботиться о насельниках монастыря. Всё это сильно подорвало и без того слабое здоровье отца Макария. Стремясь к уединению, в конце апреля 1824 года он подал в Святейший Синод прошение об увольнении на покой в Киево-Печерскую Лавру. Позже архимандрит Макарий напишет, что ему нужно было «и Лавру увидеть — сие святое место, и всё, что есть и бывает на нём». Указ об отставке был получен 12 августа, но только 28 декабря 1824 года архимандрит Макарий смог покинуть Кострому.

На пути в Лавру он посетил Саровскую пустынь, пробыл там три дня и имел продолжительную (более двух часов) беседу с преподобным Серафимом. Назидание великого старца Саровского отец Макарий запомнил на всю жизнь. В 1841 году в одном из писем своей духовной дочери, благотворительнице миссии П. П. Глебовой-Стрешневой, он привёл слова, сказанные ему тогда преподобным Серафимом Саровским: «Пришло мне на память изречение, которым угостил меня блаженной памяти отец Серафим, когда провидение привело меня в 25 году в Саровскую общину. „**Добро добра добрейши**“ (или добрее, т.е. лучше), говорил старец»¹. В другом письме он так пояснил эти слова преподобного Серафима: «...добро добра добрее, божественное выше всего человеческого, вечное дороже всего временного, богоугодное вернее всего, что сегодняшнему вкусу многочленной толпы угодно, духовное благороднее всего чувственного»².

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 385–386.

² Там же. С. 177.

Посетив также отца Ливерия, жившего на покое в Самарском пустынном монастыре Екатеринославской епархии, и екатеринославских друзей своих, архимандрит Макарий весной 1825 года — в понедельник четвёртой седмицы Великого поста — прибыл в Киев. Многолюдная Киевская Лавра показалась ему «слишком шумною», поэтому вскоре он переехал в Китаевскую пустынь Лавры, в семи верстах от Киева. Но и здесь пробыл недолго. Душа его жаждала опытного руководителя и наставника в духовной жизни, ведь уже в пустыни отец Макарий получил известие о кончине старца Ливерия. Переживая великую скорбь, он писал тогда священнику Иоанну Герболинскому: «Благодетеля и наставника моего отца Ливерия боголюбнейшего нет уже в сем земном мире...».

Кто ищет спасения — тот ищет надёжного руководителя духовной жизни. Отец Макарий подобно пчеле собирал у старцев сокровища духовной мудрости и благочестия. Узнав о благочестивой жизни возобновителя Глинской Богородицкой пустыни иеромонаха Филарета (Данилевского), архимандрит Макарий с разрешения Святейшего Синода в конце декабря 1825 года переселился в Глинскую обитель, где провёл более трёх лет в подвигах самоотвержения и покаяния. Впоследствии он сообщал: «Я хотел среди глинских братьев знакомиться с искушениями, свойственными монашескому общежитию». Здесь отец Макарий вновь прилежно читал «Добротолюбие». Зная свою вспыльчивость и резкость характера, здесь он терпеливо учился отсечению своеволия, стяжанию смирения и непрестанной молитве. Именно в Глинской пустыни архимандрит Макарий обрёл тот покой, которого долго искал. Душа его так прониклась любовью Христовой, что весь мир он стал представлять себе как «большую больницу, наполненную всякого рода недужными». Про саму же пустынь он писал: «Это школа Христова, это одна из светлых точек на земном мире, в которую дабы войти, надлежит умяляться до Христова младенчества»¹.

Ещё в Киево-Печерской Лавре будущий алтайский благовестник начал заниматься переводом на русский язык святоотеческих творений. В Глинской пустыни он продолжил перевод слов Феодора Студита, которым занимался и много лет спустя и копию которого делал для архиепископа Воронежского Антония (Смирницкого), бывшего настоятелем Киево-Печерской Лавры (1815—1826), по просьбе последнего. Также отец Макарий приступил к переводу бесед святителя Григория Двоеслова, «Исповеди» блаженного Августина и «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника. За новый перевод на русский язык «Лествицы» — этой «учебной книги всех добрых иноков» — архиманд-

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 112.

рит Макарий взялся ввиду того, что имевшийся печатный русский перевод изобиловал многими неточностями. Этот свой труд отец Макарий завершил уже в Алтайской миссии и в феврале 1838 года отправил в Святейший Синод. Дальнейшая судьба рукописи неизвестна, однако биографы отца Макария отмечают, что его труд был принят «в соображение при издании Лествицы Козельской Оптиной пустынь»¹.

Переводы отца Макария весьма ценил святитель Филарет: «До половины мая могу ещё я в Петербурге получить от Вас рукопись Иоанна Лествичника, если рассудите послать её ко мне для предложения к напечатанию, — писал он ему 28 марта 1829 года. — Желал бы я читать и перевод Исповедания блаженного Августина, а до перевода Бесед святителя Григория Великого чувствую такую жадность, что хотел бы получать оный по частям, по мере, как отделяется». Далее следовала подпись святителя Филарета: «Вашего Высокопреподобия усердный слуга Филарет, митрополит Московский». На этот запрос своего учителя и наставника отец Макарий дал краткий ответ: «В радостной надежде явиться к Вашему Высокопреосвященству в Москве и там представить Вам переводы мои повергаюсь к стопам Вашим в сокрушении сердца и святительского благословения испрашиваю».

Результатом раздумий архимандрита Макария в этот период времени о путях и способах реформирования духовных школ стали его «Мысли об улучшении общественного воспитания в духовном звании», которые по сути являлись проектом нового образовательного учреждения монастырского типа. Святитель Филарет очень высоко оценил этот труд архимандрита Макария и 9 апреля 1828 года подписал проект общежительного духовно-воспитательного заведения, реализовать который, к сожалению, так и не удалось.

В 1829 году отец Макарий составил «Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей в Курской епархии и губернии в Путивльском уезде», в котором значительное место было отведено игумену Филарету, возродителю обители, связавшему её с Киево-Печерской Лаврой и Софрониевой пустынью, а через них — с Афонским иночеством и заветами преподобного старца Паисия (Величковского). Описание это вышло в свет в 1835 году под именем Н.Самойлова. Кроме того, в Глинской обители архимандрит Макарий, обладавший большим поэтическим даром, написал несколько духовных стихотворений, вошедших впоследствии в сборник под названием «Лепта».

¹ См.: Примечание К.В.Харламповича к письму архимандрита Макария в Святейший Синод // «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 198.

Три с половиной года подвижнической жизни в Глинской пустыни под руководством прозорливых старцев стали для отца Макария последним этапом приготовления к многотрудному апостольскому служению народам Алтая. Господь призывал Своих деятелей на новые, невозделанные ещё нивы, и в этой святой обители Он вложил в сердце отца Макария благое и непринуждённое желание идти на проповедь Евангелия Христова к тем людям, которые ещё не знали Христа. Сохранилось несколько свидетельств о том, как произошло это призвание.

Промыслом Божиим путь в Сибирь отцу Макарию был предуказан ещё в годы учёбы. В бытность студентом Санкт-Петербургской духовной академии он узнал о сибирском пустынножителе старце Василиске (прославлен Русской Православной Церковью в 2004 году в лике преподобных). Позже в письме В.И.Верховской, племяннице другого старца — Зосимы, отец Макарий сообщал: «О наставнике же отца Зосимы старце Василиске имел я понятие ещё учась в академии Петербургской, записка о некоторых опытах умной молитвы, известных ему, долго у меня сохранялась; **и было время, когда я, в непонятной грусти, улетал из России в Сибирь пустынную, на крыльях быстро парящей мысли, и в Сибири встречался воображением с о. Василиском в лесу дремучем, совсем не думая, что я и в самом деле буду в Сибири и притом именно близ того места, которого прежде искал одним воображением, хотя здесь не найду уже ни отца Василия, ни отца Зосимы**»¹.

Одно из преданий гласит, что мысль о миссионерском служении отцу Макарию подал святитель Филарет (Дроздов), не оставлявший заботами своего ученика до конца его земного поприща. Кроме того, приехавший в начале 1829 года в Глинскую пустынь друг отца Макария М.А.Атлас также убеждал его: «Ты человек просвещённый, тебе надобно других просвещать... Иди, проповедай Евангелие сибирским язычникам, вот Святейший Синод ищет такого человека»². Эти слова архимандрит Макарий воспринял как указание промысла Божия.

Большим испытанием на пути принятия решения о миссионерском служении в Сибири стали глубоко-смиренное сознание своего недостатка к столь великому делу и телесная немощь. Отец Макарий с детства обладал очень слабым здоровьем, а с годами и вовсе растратил его. Но сила Божия «*в немощи совершается*», — свидетельствует величайший миссионер Церкви Христовой святой апостол Павел (2 Кор. 12, 9). Укрепляемый благодатью Божией и целиком полагаясь не на себя,

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 297.

² Цит. по кн.: «Материалы для биографии основателя Алтайской миссии архимандрита Макария (М.Я.Глухарёва)» / Под ред. Д.Д.Филимонова. — М., 1892. С. 32–33.

но на Бога, отец Макарий получил поддержку старца Филарета Глинского, который «с радостью одобрил сие предприятие и обещался: что от него будет зависеть, — помогать». 17 февраля 1829 года архимандрит Макарий подал прошение епископу Курскому и Белгородскому Владимиру (Ужинскому) с просьбой разрешить ему перейти в Иркутскую епархию для служения братьям общежительных монастырей, отправившимся туда проповедовать Евангелие сибирским язычникам. Среди них были и несколько человек из Костромы, с которыми отец Макарий вёл переписку.

В июне 1829 года на основании указа Святейшего Синода о назначении его в распоряжение архиепископа Тобольского и Сибирского Евгения (Казанцева) архимандрит Макарий выехал в Москву, где получил благословение на новое служение от святителя Московского Филарета, о чём впоследствии вспоминал в одном из писем к своему учителю и наставнику: «Высокопреосвященнейший Владыко, милостивый архипастырь и отец! Святительское благословение, которым Вы напутствовали меня при отъезде моём в Тобольск и которое сопутствует мне на поприще нынешней службы моей при здешней Церковной Миссии, да будет со мною в час сей, когда хочу передать рассуждению Вашему некоторые мысли, находящиеся в сродстве с моею службою»¹.

В Тобольске на протяжении 10 месяцев будущий миссионер занимался оформлением необходимых документов, подготовкой помощников, в качестве которых избрал себе вызвавшихся на миссионерское служение двух местных семинаристов: Василия Попова, сына дьячка, и Алексея Волкова, сына священника. Перед отцом Макарием встал вопрос и выбора конкретного места служения. Первоначально Владыка Евгений, которому было поручено обратиться к архимандриту Макария «на дело проповедания, где сие представится нужнее», предложил ему отправиться на север от Тобольска, в район Обдорска, к осяткам (хантам) и самоедам (ненцам). Однако суровый северный климат, где кочевали эти народы, не подходил для слабых здоровьем отца Макария и Василия Попова. Одно время отец Макарий вновь собирался ехать на проповедь Евангелия к бурятам в Иркутскую епархию. В конце концов решено было направиться к киргизам (так называли в то время казахов), кочевавшим в Кокчетавском военном округе. Там был довольно умеренный климат, а киргизский язык был близок татарскому, к изучению которого приступили отец Макарий и его сотрудники. Однако генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов воспротивился учреждению православной миссии среди киргизов, опасаясь их возмущений. Тогда архиепископ

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 228.

Евгений обратил внимание отца Макария на язычников калмыков (в XIX веке так именовались южные племена Горного Алтая; северные назывались черневыми татарами), кочевавших в Бийском округе Томской губернии. Архимандрит Макарий дал согласие начать там свою миссионерскую деятельность.

В Тобольске архимандрит Макарий составил правила, определявшие взаимные отношения миссионеров. В основе этих правил лежали традиции иноческого общежития и старчества, воспринятые будущим благовестником Алтая через старца Ливерия, а также старцев Глинской пустыни. Правила имели форму обещания миссионеров:

«А. Желаем, да будет у нас всё общее: деньги, пища, одяние, книги и прочие вещи; и сия мера да будет для нас удобностию в стремлении к единому сердцу».

Б. Желаем тому из нас, которому определением Начальства будет поручено особенное попечение о деле проповедания, повиноваться по правилам иноческого общежития как в поручениях, относящихся к проповеданию, так и в других отношениях и случаях; он же должен во всех своих распоряжениях руководствоваться также правилами общежития иноческого и теми постановлениями, какие мы от Начальства примем за руководство в служении проповедания.

В. Желаем принимать от него [Начальства] наставления со вниманием, смирением и любовью; а его наставления должны проистекать из слова Божия и быть согласными с учением Церкви Восточной и Греко-Российской.

Г. Желаем быть пред ним искренними и откровенными в частом исповедании помыслов и искушений наших и вместе с ним учиться у Господа уклоняться от зла и творить благое; он же обязуется всякое исповедание такое погружать в бездну милосердия Божия, отнюдь не обличая явно того, что ему будет открываемо за тайну; как в исправительных, так и во всех других мерах своих действовать в смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхождения к братьям, и беспристрастно принимая от них благонамеренные советы, полезные замечания, кроткие напоминания, в случае погрешительности поступков своих искренно виниться перед ними и просить у них прощения и пособия к исправлению своему. По сим правилам жить и служить в проповедании Евангелия народам языческим, в Тобольской епархии живущим, желаем».

Правила были подписаны тремя будущими сотрудниками миссии и утверждены архиепископом Евгением. Таким образом, начиная свою

миссионерскую деятельность, архимандрит Макарий прежде всего заболел об устройении жизни и братских взаимных отношений служителей миссии. Духовный сплав старческого духовного опыта и апостольской ревности положен был в основание создаваемой им Алтайской Духовной Миссии.

Назначенный Святейшим Синодом на должность начальника Алтайской миссии архимандрит Макарий с сотрудниками 3 августа 1830 года выехал из Тобольска. Отправляясь к месту своего служения на горах Алтая, первый алтайский благовестник молился:

Освободи меня, мой Бог,
От уз греха, чтоб я возмог
О правде возглаголать вечной,
О вере во Христа сердечной!
Пошли мне в помощь благодать,
Уста мои отверзи, Слово,
О сердце! Сердце! Будь готово
Хвалу Господню возвещать...

29 августа миссионеры прибыли в Бийск, который на несколько месяцев стал центральным пунктом миссии. Уже 7 сентября 1830 года начальник миссии в селении Улала крестил молодого алтайца Элеску, назвав его в святом крещении Иоанном. Этот день алтайские миссионеры считали днём основания Алтайской Духовной Миссии и днём памяти Незабвенного её основателя.

Первые полгода своего миссионерского служения архимандрит Макарий посвятил поездкам по различным селениям Горного Алтая для первоначального ознакомления с местностью, жителями, их наречиями, а также в поисках наиболее удобного пункта для центрального стана миссии. Во время своих путешествий ревностный миссионер пользовался каждым случаем, чтобы начать со встретившимся ему человеком беседу о Боге, о сотворении мира и человека, о грехопадении людей, о пришествии в мир Спасителя.

В феврале 1831 года, чтобы быть ближе к кочевым племенам Горного Алтая, архимандрит Макарий из Бийска переехал в Сандыпский казачий форпост, в мае 1831 года — в Улалу, но узнав, что жители Улалы, опасаясь быть крещёными, намереваются откочевать в Кузнецкий округ, 23 мая сам удалился в близлежащее селение Майму. Там, «у самых врат Алтая», им был открыт первый миссионерский стан, откуда и началось дело православного просвещения народов Алтая.

Из Маймы, благодаря удачному расположению селения «у входа в области черновых татар и кочующих калмыков», отец Макарий начал

ближе знакомиться не только с улалинскими телеутами, но и представителями других алтайских племён. Во время миссионерских поездок одним он проповедовал Евангелие и призывал ко крещению, другим напоминал о христианском звании и учил молитвам, третьих ободрял в горестных обстоятельствах. Оглашенных евангельской проповедью отец Макарий допускал ко крещению с большой осторожностью. В феврале 1831 года он сообщал митрополиту Филарету: «Мы ещё не начинали быть миссионерами, хотя крестили, при помощи Божией, немногих из иноверцев здешних». Начальник миссии никогда не гнался за числом новокрещённых, сначала он узнавал о поведении желающих принять крещение, учил их послушанию будущим восприемникам, требовал от них знания основ православного вероучения и кратких молитв и только тогда решался крестить оглашаемых.

Всегда и везде он был для насельников Алтайских гор веропроповедником и утешителем. Обращая алтайцев ко Христу, он устраивал их на оседлое жительство в Майме и в других селениях. Миссия помогала новокрещённым строить дома, снабжала деньгами, хлебом, одеждой, инвентарём, приобретала скот. Занимаясь устройением и улучшением оседлого быта своей алтайской паствы, начальник миссии сам стал интересоваться земледелием и огородничеством, выписывал необходимые книги и журналы, а также семена различных овощей, целебных трав и цветов, которыми миссия также снабжала неимущих алтайцев. Архимандрит Макарий учил местных жителей вести домашнее хозяйство; алтайским женщинам он настойчиво рекомендовал учиться прясть, печь хлеб, поддерживать чистоту и порядок в доме. Так, по воспоминаниям алтайского миссионера протоиерея Михаила Путинцева, отец Макарий «ежедневно находил время посещать хижины и дома новокрещённых, причём входил во все подробности их домашнего хозяйства... Случалось так, что он, застав хозяйку в грязной избе в отсутствие её мужа, приказывал ей сейчас же мыть избу, а сам принимался нянчить хозяйских ребят, напевая при этом своим тихим приятным голосом какую-либо церковную песнь или же рассказывая работавшей хозяйке что-либо из священной истории или житий святых»¹. Заботился попечительный миссионер и о врачевании телесных недугов коренных жителей Алтая. Для этого он выучился оспопрививанию, занимался сбором целебных трав, имел при себе целую аптечку лекарств. Позже при миссии отцом Макарием была открыта богадельня для приюта бездомных и устроена больница для лечения тяжелобольных. А сам начальник миссии для правильной поста-

¹ *Протоиерей Михаил Путинцев*. Воспоминания о первом алтайском миссионере архимандрите Макарии // «Душеполезное чтение» 1884. — Ч. 3. № 10. С. 284–285.

новки в ней медицинского дела в 1840 году на базе Казанского университета прослушал даже курс лекций по анатомии и медицине. Таким образом, в основу миссионерской деятельности отцом Макарием был положен принцип: уча, учиться самому — как вести дело православного просвещения, как утверждать в вере новокрещёных, как приучать инородцев к оседлой жизни и земледелию, как лечить, учить их детей грамоте. Подобно апостолу Павлу он для всех *«сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»* (1 Кор. 9, 22).

Действия отца Макария, исполненные любви, милосердия и сострадания к бедным инородцам, переменили к нему отношение улалинцев, и к 1834 году большая их часть приняла святое крещение. В 1834 году архимандрит Макарий переселился в Улалу, и с этого времени селение стало центральным станом Алтайской Духовной Миссии. Имея два антиминса для походных церквей (один для церкви Всемилоственного Спаса, другой — в честь Смоленской иконы Божией Матери), отец Макарий служил попеременно в Улале и Майме, а с 1839 года и в Мьюте. К 1836 году святое крещение приняли почти все жители Улалы.

Особое старание отец Макарий прилагал к развитию в новокрещёных усердия к духовной жизни. С этой целью он часто совершал богослужения и с особой строгостью следил за исправным посещением новокрещёными воскресных и праздничных служб. И хотя в период своего служения в Алтайской миссии алтайский благовестник не успел ввести богослужение на алтайском языке, он всеми силами старался сделать его понятным для инородцев. По прошествии двух лет служения в миссии архимандрит Макарий мог уже немного объясняться с алтайцами, на родном для них языке он разъяснял им христианские вероучительные и нравственные истины, учил пению некоторых церковных молитв. В своих путевых записках за 1832 год начальник миссии при этом отмечал: *«Мы могли предлагать инородцам существенное учение Христовой веры и приглашать их в церковь Христову наречием черневых татар и алтайцев, но в переложении Священного Писания на то или другое наречие не способны были сделать без толмача даже и шагу»*.

Пламенный веропроповедник, архимандрит Макарий часто проводил внебогослужебные собеседования с новокрещёными, летом под открытым небом, зимой в чьём-нибудь доме. В своих путевых записках отец Макарий писал о том, как проводились им эти беседы. После Литургии он *«удалялся с собравшимися на некоторое расстояние от селения и, усевшись под горою на берегу реки Маймы, разглагольствовал с сими братьями при пособии толмача»*: выслушав их жалобы на бедность и недостатки в необходимом, он старался разрешать их

затруднения, предлагал «приличные советы и нужные наставления», рассказывал о духовно-нравственных правилах христианской жизни, читал Евангелие, говорил о пагубности суеверий. «Вся беседа, — по словам отца Макария, — заключена была утешением сих скорбящих и ободрением их надеждою на благость Провидения, на многомилостивое попечение Отца Небесного, Который знает, в чём имеет нужду каждый, и, когда наступит благопотребное время, несомненно, поможет нам и пошлёт довольство. А до того времени обучает нас трудолюбию и терпению, врачует горестями греховные раны в душе и часто растворяет скорби наши разнообразными утешениями, которые, впрочем, по слепоте своей, мы редко примечаем».

Архимандрит Макарий также учил новокрещёных петь духовные хвалебные песни — канты — из составленной им «Лепты»¹. Пение стихов из «Лепты» стало одним из сильнейших средств духовно-нравственного просвещения коренных жителей Алтая: посредством пения духовных стихов новокрещёные скорее усваивали истины православной веры и правила христианской жизни.

Особой заботой начальника миссии с самого начала стало обучение алтайских детей грамоте, устройство для них миссионерских школ. В 1830-е годы основателем Алтайской Духовной Миссии были открыты первые школы на Алтае: две для мальчиков и одна для девочек. Сотрудник миссии священник (в дальнейшем — протоиерей) Василий Вербицкий, собирая в архиве Алтайской миссии сведения о начале школьного обучения на Алтае, в «Очерке истории Алтайской Духовной Миссии» отмечал: «С самого основания миссии в Улале и Майме были училища. Число учеников в исходящих и входящих бумагах не показано. Но только известно, что обучением девочек занималась девица София де Вальмон»².

В деревне Майма София де Вальмон, прибывшая в Миссию в 1840 году, учила девочек чтению, пению и началам арифметики. Обучение же мальчиков в обоих станах миссии вели алтайские миссионеры. Архимандрит Макарий поначалу также занимался обучением детей

¹ Первое издание «Лепты в пользу бедных между новокрещёнными при Церковной Алтайской Миссии» с нотами к некоторым текстам вышло в свет в Москве в 1846 г. благодаря содействию попечителя алтайских миссионеров московского священника Николая Лаврова. В последующем этот сборник получил название «Лепты первой», так как в 1887 г. святитель Макарий (Невский) собрал и издал в Бийске «Лепту вторую». В 1901 г. в Томске была издана «Первая Лепта в нотном изложении», предназначенная для начальных школ.

² ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об. Рукопись 1860 г.

в Майме и Улале. По воспоминаниям 83-летнего старца из Улалы Ильи Ивановича Суртаева, «отец Макарий очень любил детей, и в особенности семейство Суртаевых. Бывало, придёт к ним в дом, и сейчас же пускается в беседы с ребятами: рассказывает им из священной истории, учит их кратким молитвам, поёт с ними „Господи, помилуй“, „Аллилуия“. Позанявшись и попев с юным поколением, юнейший старец иногда примется шутить и играть: бегать с детьми по зелёной поляне взапуски, при этом показывает вид, что старается перегнать. Сколько радости для ребят-тишек!». «Среди детей он был всегда весел, терпелив, снисходителен, и в отношении к ним у него не было места природной его вспыльчивости». Учеником отца Макария был знаменитый впоследствии алтайский миссионер протоиерей Михаил Чевалков, который в своём «Памятном Завещании» также подробно рассказывал о том, какие уроки давал ему преподобный Макарий Алтайский: «В одно время я, дав корм скоту, отправился к отцу Макарию. Он мне рассказывал о Боге. Я слушал это, и рассказы его были для меня слаще мёда. Рассказы его неизгладимо запечатлелись в сердце моём. С тех пор я, подобно пчеле, которая нашла готовый мёд, каждый день вечером приходил к отцу Макарию... Так я в продолжение трёх лет ходил к нему. Иногда, когда я делал что-нибудь противное Богу, он заставлял меня плакать, ставя меня на колени, чтобы молиться Богу. Да дарует ему Господь Бог свет и блаженство! Не худому он учил меня, но только доброму и полезному для души моей».

Как отмечал в своём рапорте миссионер Кондомского отделения Алтайской миссии священник Иоанн Штыгашев, «школу архимандрит Макарий постарался теснейшим образом связать с жизнью, поставить так, чтобы она была душой и малых, и взрослых. Через детей он воздействовал на просвещение самих родителей. С этой целью ученье подано было так, что дети передавали своим родителям слышанное и выученное»¹.

С самого начала отец Макарий думал о создании алтайской азбуки. Поскольку народы, населявшие Горный Алтай, в то время ещё не имели своей национальной письменности, архимандрит Макарий, изучив разные их наречия, разработал на основе кириллицы алтайский алфавит и сделал первые шаги по созданию алтайской письменности. В миссионерских школах детей обучали алтайской грамоте, Закону Божию, церковному пению, арифметике. Поначалу преподавание в них велось на алтайском языке, но со временем архимандрит Макарий пришёл к мысли, что для приобщения инородцев к православной культуре весьма необходимым является «обучение новокрещёных грамоте не только при-

¹ ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 55. Л. 53.

родных наречий их, но и славянской и русской». С этой целью на рубеже 1830—1840-х годов он составил «детскую книжицу» — букварь под названием «Начальное учение человеком, хотящим учиться книге Божественного Писания». В букварь кроме русско-славянской азбуки вошли краткий молитвослов и катехизис, состоящий из текстов Священного Писания на русском языке. В декабре 1841 года он направил письмо святителю Филарету с просьбой помочь в «изыскании средств на напечатание сей книжицы». В этом же письме он сообщал: «Миссия готовится для представления церковному начальству сообразную сей славянской и русской азбуке азбуку на телеутском наречии, которое в близком сродстве со всеми другими наречиями здешних инородцев и для всех их понятное»¹. Однако издать «детскую книжицу» алтайскому миссионеру так и не удалось. В ответном письме митрополит Филарет объяснял ему: «С Вашим „Начальным учением“ не знаю что делать. Теперь более, нежели когда-либо, возбраняют заменять славянское русским»². Что касается азбуки на телеутском наречии, то первый печатный алтайский «Букварь для обучения детей крещёных алтайских инородцев церковному и гражданскому чтению» увидел свет лишь в 1868 году.

На Алтае в полной мере раскрылся талант архимандрита Макария как духовного писателя и переводчика книг Священного Писания. Ещё в Тобольске, в июле 1830 года, начальнику Алтайской Духовной Миссии и его первым сотрудником архиепископом Евгением была дана инструкция, в которой говорилось: «Обращаясь между инородцами, рекомендовать ему, отцу архимандриту и будущим с ним семинаристам, учиться языку их и узнавать обычаи и веру их; и коль скоро достигнут достаточного познания языка их, переводить им на оный книги Священного Писания, во-первых, Новый Завет, Псалтирь и, кроме сих, Символ веры, молитву „Отче наш“, заповеди, катехизис и некоторые, по выбору, жития святых отцев». Таким образом, инструкция архиепископа Евгения содержала целую миссионерскую переводческую программу.

С самого начала архимандрит Макарий и его сподвижники встретились с трудностями в изучении многочисленных наречий народов Алтая. Об этом свидетельствует запись, которую начальник миссии сделал в своём путевом дневнике: «Доселе мы как бы ходили по миру и собирались: накопляемое нами собрание татарских слов и речений уподоблялось суме нищего, в которой куски всякого хлеба, и мягкого и чёрствого, и пшеничного и ржаного, и свежего и загнившего, — всё без разбора

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 151—152.

² «Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к Высочайшим особам и разным другим лицам». Ч. 1. — Тверь, 1888. С. 133.

смешано, и всё вместе составляет тяжёлую ношу... Таковы были наши добычи в знакомстве с различными наречиями, употребляемыми в различных племенах инородцев. Тут были сведения, почерпнутые из различных источников, какие мы встречали на пути своём... Тут были слова кумандинцев, черновых татар, телеутов, алтайцев; всякой всячины накопилось столь много, что нелегко было привести сие хаотическое смешение в стройный порядок. Из всех наречий, которые хотя и сродны между собою, но и отличны одно от другого, надлежало избрать более употребительное, словарь его составить обычным порядком...»¹. Через три месяца после приезда на Алтай отец Макарий уже приводил «сколько возможно, в порядок слова и выражения наречий, употребляемых здешними иноверцами, и опыты в переводах с русского языка на оные». В дальнейшем он составил лексикон, содержащий до 3 тысяч слов, что открывало новые возможности для всей последующей переводческой деятельности.

За всё время пребывания на Алтае (1830–1844 годы) архимандрит Макарий с помощью переводчиков-толмачей перевёл на местное наречие, преимущественно телеутское, почти всё Евангелие, избранные места из различных книг Ветхого Завета, многие места из книги Деяний святых апостолов и апостольских посланий, в том числе полностью Первое послание апостола Иоанна Богослова, многие церковные песнопения и псалмы, важнейшие молитвы, историю праведного Иосифа (по тексту Библии), краткий катехизис святителя Филарета Московского, огласительное поучение, Символ веры, 10 заповедей с толкованиями на них, краткую священную историю, исповедь и вопросы при крещении, собрание текстов о таинствах церковных.

Рукописи сделанных первым начальником миссии переводов на алтайский язык видел протоиерей Василий Вербицкий, писавший в 1885 году: «Взирая на огромные тетради переводов его на язык алтайских инородцев, нельзя не удивляться его неутомимой деятельности»². Эта часть рукописного наследия преподобного Макария Алтайского до настоящего времени не сохранилась. В 1886 году враги Алтайской Духовной Миссии подожгли Бийский архиерейский дом, и, по свидетельству миссионеров, в этом пожаре сгорели **горы рукописей** основателя миссии.

По мере накопления опыта миссионерского служения, уже после осуществления в Алтайской миссии первых переводов книг на телеутское наречие, архимандрит Макарий начинает задумываться о русском языке

¹ «Извлечения из путевых записок миссионера архимандрита Макария» // «Памятник трудов православных благовестников русских с 1793 по 1853 год» / Сост. А.С.Стурдза. – М., 1857. С. 152–153.

² «Памятная книжка Томской губернии на 1885 г.». – Томск, 1885. С. 21.

как языке православной миссии среди язычников-инородцев и в своей миссионерской деятельности постепенно начинает отдавать предпочтение русскому языку. «Среди апостольских трудов, — пишет протоиерей Георгий Флоровский, — у Макария родилась новая мысль, охватившая его со всей исключительностью. Это был план библейского перевода»¹.

Слово Божие, которое архимандрит Макарий пламенно любил и по этому всю свою жизнь возвещал людям, — это слово Божие опаляло пламенем любви Божией его сердце и просвещало его дивный ум. Когда окружавшие отца Макария сподвижники в проповеди Евангелия Христова совершенно утомлялись от дневных миссионерских трудов и засыпали, начальник миссии, желая поучаться в законе Господнем «*день и ночь*» (Пс. 1, 2), продолжал работать далеко за полночь. А под утро, когда сотрудники его ещё спали, он от трепетного восторга начинал петь своё любимое церковное песнопение — ирмос 5-й песни воскресного канона 7-го гласа: «*Ночь несветла неверным, Христе, верным же просвещение в сладости словес Твоих; сего ради к Тебе утреннюю и воспеваю Твое Божество*». Это любимое церковное песнопение отца Макария свидетельствует о его величайшей любви к Священному Писанию, и эта любовь подвигла его на переводы Святой Библии.

О необходимости перевода Священного Писания Ветхого Завета на русский язык, и в первую очередь для целей миссии, архимандрит Макарий сообщал 23 марта 1834 года в письме к митрополиту Филарету: «Светильник славянской Библии не угаснет и не затмится; напротив, российская Библия будет самым легчайшим, самым благонадёжнейшим и безопаснейшим пособием к чтению славянской Библии с разумением <...> Российской державе Бог даровал столь многие народы, во тьме и сени смертной сидящие, без сомнения, для того, чтобы россияне, некогда сами подобно им находившиеся в удалении от пути истинного Богопознания и спасения, помогли сим племенам... войти в свободу чад Божиих познанием истинного Отца и Спасителя всех человеков во Христе Иисусе Господе нашем... Можно издать Ветхозаветную Библию на русском языке, предъявив в надписании Священной книги, что она издаётся в пользу миссий, учреждаемых для обращения их [нехристиан] к истинной вере и Церкви»².

Однако ответа на своё письмо от святителя Филарета архимандрит Макарий в то время так и не получил. Несмотря на это он приступил к переводу Священного Писания Ветхого Завета с еврейского языка на русский и начал его с Книги Иова, «до которой дошло в 1820-х годах

¹ Протоиерей Георгий Флоровский. «Пути русского богословия». С. 189.

² «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 134–142.

Русское Библейское Общество». В 1837 году начальник Алтайской миссии послал сделанный им перевод Книги Иова в Комиссию духовных училищ и на Высочайшее имя — государю императору Николаю I.

1830—1840-е годы оказались самыми неблагоприятными для перевода Библии на русский язык. В 1837 году святитель Филарет наконец прислал архимандриту Макарию ответное письмо: «Беседу с Вами начать надобно, кажется, с мыслей Ваших о полном переводе Библии на русское наречие. Вы употребили немало труда на изложение сих мыслей, но посев ваш пришёл не на готовую землю и не во время сеяния. Сомнения о полезности перевода, доселе сделанного, и прекословия о достоинстве его или не прекратились, или возникли вновь, так что продолжение сего дела более угрожало бы умножением сомнения и прекословий, нежели обнадеживало бы умножением плода духовного». Это была осторожная попытка дать понять отцу Макарию всю несвоевременность его начинания. Что и подтвердила Комиссия духовных училищ своим постановлением от 24 октября 1838 года: «Дело о сем оставить без дальнейшего производства впредь до усмотрения, а рукописи хранить при делах Комиссии».

Осознавая высокое значение миссионерского делания, архимандрит Макарий постоянно заботился о полноценной подготовке будущих веро-проповедников. Когда в 1836 году Святейший Синод предложил ему перейти в Иркутскую епархию для проповеди слова Божия бурятам, архимандрит Макарий отвечал, что имеет желание «посвятить остатки сил приготовлению двух юношей... к плодоноснейшему проповеданию Евангелия не только язычникам, но и евреям и магометанам, находящимся в недре державы Российской». Архимандрит Макарий представил также и «способ сего приготовления»: три-четыре года ему вместе с сотрудниками миссии (С. Ландышевым и М. Нигрицким) пожить в Москве, чтобы в университете и других учебных заведениях «запастьсь благопотребными в миссионерской службе познаниями, например, познакомиться с арабским языком, оригиналом Алкорана, с естественной историей и физикой, с анатомией и другими науками медицинскими, не забывая между тем философских и богословских». Несмотря на то, что эти предложения не получили одобрения Синода, мысль об усовершенствовании подготовки миссионеров и о расширении всего миссионерского дела глубоко захватила его.

В феврале 1838 года архимандрит Макарий подал прошение епископу Томскому и Енисейскому Агапиту (Вознесенскому) об увольнении его в Россию для поправки здоровья и для того, чтобы «объясниться пред

высшим начальством церковным в Санкт-Петербурге» о дальнейшем служении в миссионерском звании.

Готовясь к поездке, он начертил миссионерский проект — «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе», в котором первоапостол Алтая обобщил опыт своего многолетнего церковно-педагогического и миссионерского служения. Первоначальный план подготовки миссионеров, предложенный им ещё в 1836 году, в этой работе был доведён до стройной и детально проработанной системы организации миссионерского дела в Российской державе. Ни до преподобного Макария, ни после него никто в истории Русской Православной Церкви не брался за написание столь масштабного проекта, исключительного как по своему богословскому уровню, так и по обширности и глубине проработки всего круга миссионерских проблем.

В январе 1839 года, накануне поездки в Санкт-Петербург, архимандрит Макарий передал рукопись «Мыслей...» Преосвященному Агапиту для представления её в Святейший Синод. Как он сам объяснил, «для верного сохранения», поскольку «в пути... могу я и умереть». Другой список «Мыслей...» вместе с русским переводом Книги пророка Исаии, подготовленным в 1838 году, он послал государю императору Николаю I.

31 января 1839 года архимандрит Макарий выехал в Санкт-Петербург. Своё пребывание там он решил использовать не только для поправки здоровья и продвижения своего миссионерского проекта, но и для получения разрешения на издание всей Библии в русском переводе. Однако превосходный, всесторонне разработанный проект организации миссионерского дела в России, как и перевод Книги пророка Исаии, дальнейшего продвижения не получили. 14 апреля 1839 года Святейший Синод постановил: «Прошение миссионера архимандрита Макария оставить без действия, рукописи возвратить к Преосвященному Томскому при указе»¹.

¹ Рукопись «Мыслей...» долгое время хранилась в библиотеке Московской духовной академии. Извлечения из неё публиковались в журнале «Миссионер» (1874, 1875, 1878). Полностью миссионерский проект архимандрита Макария увидел свет только в конце 19-го столетия в журнале «Православный благовестник» (1893, 1894). Несмотря на это содержание этого труда было хорошо знакомо алтайским миссионерам — сподвижникам и преемникам архимандрита Макария, которые старались по возможности осуществлять его миссионерские планы. Некоторые элементы начертанного отцом Макарием проекта позже были приняты Бийским миссионерским катехизаторским училищем, в котором велась подготовка учителей, катехизаторов, диаконов и священников для Алтайской Духовной Миссии. Миссионерский опыт алтайских благовестников был также известен в Томской духовной семинарии и в Томском духовном

Несмотря на решение Синода архимандрит Макарий не прекратил ходатайств о публикации Библии на русском языке. Но на этот раз от доводов и убеждений ревностный миссионер перешёл к «угрозам и гневным пророчествам». В своих устных беседах и в новом послании государю императору он утверждал, что многие бедствия и нестроения, обрушившиеся на Россию, как то: наводнение в Петербурге, пожар Зимнего дворца, восстание декабристов, недороды, холера, — это наказание Божие за отказ от перевода Библии на русский язык. А в своём «Представлении...» в Синод¹ отец Макарий даже образно сравнивал начало перевода с открытием Царских врат, а прекращение перевода — с их закрытием, и восклицал:

«О горе! затворились Царские двери, которыми из святилища исходили к нам евангелисты один за другим и Церковь Российскую благословляли от Лица Иисус Христово каждый своим Евангелием на российском языке; затворились Царские двери, которыми апостолы от Престола Божия исходили друг после друга и Россию благословляли каждый своим посланием на российском языке; затворились Царские двери, которыми исходили к нам из чертога небесного и царь Давид, и пророк Моисей, и первый благословил Российскую Церковь книгою богодухновенных псалмов на российском языке, а последний... благословил царя и народ первую книгою Божественного откровения на российском языке».

училище, поскольку большинство Томских Преосвященных второй половины XIX — начала XX века являлись воспитанниками Алтайской миссии. В Казанской духовной академии была налажена подготовка переводчиков для нужд православных духовных миссий Сибири. Однако в полной мере осуществить планы отца Макария не удалось ни одной из миссий, потому что все они имели гораздо больше материальных нужд, чем возможностей, чтобы реализовывать такие масштабные миссионерские проекты, как, например, создание и финансирование образовательных миссионерских общин или целых миссионерских институтов.

Миссионерский труд преподобного Макария не утратил, однако, своего богословского, церковно-практического и социального значения до настоящего времени. И в XXI веке миссионеры Русской Православной Церкви смогут найти в нём немало полезного, а сам проект вполне может стать одним из первых источников по миссиологии — новой богословской учебной дисциплины в духовных школах Русской Православной Церкви. В 2000 году этот труд архимандрита Макария был напечатан в сборнике «Свет Христов просвещает всех!» (Новосибирск) в составе семи выдающихся памятников миссионерской письменности.

¹ «Представление начальника Церковной Алтайской Миссии архимандрита Макария Святейшему Синоду от 26 декабря 1840 года» // *Протоиерей Борис Пивоваров*. Преподобный Макарий Алтайский и составленный им «Алфавит Библии». — Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2012. С. 408–420.

Далее в «Представлении...» следовал самый замечательный фрагмент послания Синоду:

«Богоvideц хотел и другими всеми Писаниями, начертанными им по внушению Духа Святаго, благословить и царя, и народ. Они были уже переложены с оригинала священного на российский язык, они были уже печати преданы, как затворились Царские двери, и всё скрылось и стало темно... И вдруг Он дунул, и море побежало на сушу, и волны гнева Его покрыли стогны твои, великий град, вошли в чертоги твои, размыли дома твои, дошли до выи твоей, поглотили многих сыновей и дочерей твоих, и возрыдал царь и народ Его. Потом Он дунул и на царя, и царь увял в крепости сил своих, как увядает прекрасный цвет от зноя солнечного во время чрезвычайной засухи; и возрыдал русский народ о царе своем, и сетовали с ним цари и народы вселенной. Но вот Он ещё дунул на согрешивший народ, и многие легли мёртвыми трупами пред новым царём, и с кровию народа соединились горькие слёзы царя и воздыхание царицы с воплями плачущих матерей, коих сыны в оковах рукою правосудия повержены в пустынный гроб гражданской смерти, с воплями осиротевших детей, коих отцы пошли оплакивать грехи свои далеко от семей своих, с воплями жён, кои лишились мужей и сделались вдовами... О Господи! не прикоснулись ли мы небрежною холодною помазанным Твоим во святых писаниях их, которых не восхотели принять на российском языке своём? Не сделана ли нами обида (2 Пар. 26, 16) и святым пророкам Твоим, которых пророчества мы отказались читать и слушать на живом своём наречии? Но как пророческие писания вкупе с апостольскими суть основание истинной веры и Церкви Божией в человечестве, то лишать пророков Божиих свободы, чтобы они не говорили к народу живым языком его, и препятствовать удобнейшему разумению их писаний, которых испытание заповедано Самим Спасителем, не значит ли обижать Самого Его и касаться зеницы ока Его (Зах. 2, 8)?»

Грозные речи посланий, резкость обличений и настойчивость, с которой алтайский благовестник продолжал ходатайствовать об издании Библии на русском языке, способствовали тому, что 11 мая 1839 года из Синода последовал новый указ, адресованный отцу Макарию, в котором отмечалось, что он ставит себя «непризванным истолкователем судеб Божиих». Этим указом начальнику Алтайской миссии предписывалось покинуть Санкт-Петербург и отправляться к месту своего служения в Томской епархии с правом остаться в Москве на 2–3 месяца, если то понадобится для улучшения здоровья.

В Петербурге и Москве отцу Макарию, однако, удалось приобрести много новых знакомых и возбудить среди них сильное сочувствие своему

миссионерскому делу, а также переводу Библии на русский язык. В Москве были собраны значительные суммы пожертвований на нужды Алтайской миссии — около 10 тыс. руб. Кроме того, удалось найти для миссии двух новых сотрудников. Ими стали студент ветеринарного отделения Московской медико-хирургической академии Артемий Левицкий (впоследствии — игумен Акакий) и София де Вальмон, выпускница Смольного института. Большой удачей стало и то, что архимандрит Макарий получил в своё распоряжение литографии перевода ветхозаветных книг с еврейского языка на русский протоиерея Герасима Павского, до закрытия Российского библейского общества бывшего одним из его директоров и членом Переводного комитета, о существовании которых он даже не подозревал. К сверке своих переводов с этими материалами архимандрит Макарий приступил ещё в Москве и закончил вскоре по приезде на Алтай.

8 марта 1840 года отец Макарий с новыми сотрудниками миссии покинули Москву. В миссию они прибыли лишь 20 июля, по пути заехав в Казань, где на базе Казанского университета в течение трёх месяцев прилежно изучали татарский и монгольский языки, а также слушали лекции по анатомии, медицине, ботанике и даже астрономии. Здесь начальник Алтайской Духовной Миссии познакомился с Н.И.Лобачевским и другими видными университетскими учёными. Одновременно он проходил курс лечения.

По возвращении в миссию архимандрит Макарий, используя рукописи протоиерея Герасима Павского, завершил исправление своих переводов библейских книг Иова и Исаии и в конце декабря 1840 года представил их в Святейший Синод. 11 апреля 1841 года начальнику Алтайской миссии вновь пришло «настоятельнейшее разъяснение», что он «переступает пределы своего звания и обязанностей», с повторной рекомендацией «данные Богом способности и время употреблять на то служение, к которому Богом же чрез власть церковную призван».

Для успешной проповеди слова Божия среди коренных жителей Алтая архимандрит Макарий считал необходимым издание Библии и на родном для них языке. Для этого на рубеже 1830—1840-х годов он сделал извлечения из книг Ветхого и Нового Завета на русском языке и назвал это собрание библейских текстов «Алфавитом Библии», планируя в дальнейшем публикацию «Алфавита» на одном из наречий насельников Алтайских гор.

В 1841 году работа над «Алфавитом» была завершена. 2 ноября 1841 года рукопись вместе с сопроводительным письмом была послана благотворителю Алтайской Духовной Миссии московскому военному

генерал-губернатору князю Д.В.Голицыну с просьбой о «напечатании „Алфавита Библии“». Однако издание «Алфавита» также встретило непреодолимые препятствия. Князь Голицын направил рукопись «Алфавита Библии» обер-прокурору Синода графу Н.А.Протасову. Обер-прокурор препроводил её на отзыв бывшему ректору Санкт-Петербургской духовной академии епископу Винницкому Афанасию (Дроздову). Последний дал отрицательный отзыв. В конце 1842 года по решению Синода эта рукопись была сдана в Синодальный архив.

С публикацией «Алфавита Библии» на алтайском языке отец Макарий связывал будущее развитие книгоиздания для новопросвещённых жителей Горного Алтая. Но поскольку «Алфавит Библии» не был напечатан на русском языке¹, то это задержало издание книг на алтайском языке примерно на два десятка лет.

В последние годы своего служения в Алтайской Духовной Миссии архимандриту Макарию удалось значительно расширить деятельность миссии. Во многом благодаря привезённым щедрым московским пожертвованиям был открыт третий стан миссии, миссионеры приступили к устройству третьей походной церкви и открыли в Майме школу для девочек-алтаек. За 13 лет и 8 месяцев управления архимандритом Макарием Алтайская миссия присоединила к Церкви Христовой 675 инородцев, не считая 1047 крещённых миссионерами детей. Для крещёных алтайцев миссия обустроила 4 селения.

За время, проведённое на Алтае, архимандрит Макарий взрастил целую плеяду миссионеров-просветителей — настоящее миссионерское братство. По примеру своего начальника они трудились на ниве христианского просвещения самоотверженно, самозабвенно и бескорыстно. Общее число сотрудников миссии за всё время служения в ней преподобного Макария составило 18 человек. Сподвижниками основателя Алтайской Духовной Миссии были: семинаристы Василий Попов и Алексей Волков; иеромонахи Анастасий и Парфений; священники Алексей Ионин, Алексей Глухарёв (брат отца Макария), Василий Весский, Михаил Чевалков, Стефан Ландышев; воспитанники духовных училищ Михаил Негрицкий и Тимофей Экзерцев; игумен Акакий, дьяк Пётр Тарбаев, ссыльный поселенец Пётр Лисицкий, отставной солдат Архип Орлов (впоследствии схиеромонах Макарий), крестьянин Филипп

¹ Около 170 лет этот выдающийся памятник миссионерской письменности «мирно почивал без всякого употребления» в фонде рукописей Святейшего Синода РГИА в Санкт-Петербурге (Ф. 834. Оп. 4. Д. 381). Полностью текст «Алфавита Библии» был опубликован в 2012 году в книге «Преподобный Макарий Алтайский и составленный им „Алфавит Библии“», изданной в Новосибирске.

Гилёв, Параскева Ландышева (мачеха отца Стефана Ландышева) и София де Вальмон. Одни из них прослужили в миссии недолго, другие — игумен Акакий (Левицкий; †1874), протоиерей Стефан Ландышев (†1882), протоиерей Михаил Чевалков (†1901) — посветили миссионерскому служению всю свою жизнь. Именно таких делателей на ниве Христовой всегда искал себе в помощники первоапостол Алтай, помня совет, который дал ему архиепископ Евгений в письме от 11 января 1836 года: «Домогайтесь, чтобы миссия ваша состояла из отрешённых от мира миссионеров».

При этом архимандрит Макарий стремился найти место в миссионерском служении всем окружавшим его людям. Он говорил: «Если не можешь быть ловцом человеков, то лови рыбу для питания ловцов человеков», «Ты не можешь быть проповедником? Будь до времени хлебником, водовозом для проповедников, будь чтецом, писцом, дровосеком, швецом, сапожником, учи азбуке молодых детей, ходи за огородом, составляй лекарства, служи больным». А протоиерею Стефану Ландышеву, верному сподвижнику и преемнику преподобного Макария на посту начальника миссии, запомнились следующие слова Незабвенного Основателя миссии: «Воины не всегда воюют, но шьют, пишут, стряпают и прочее. И у нас дела бывают разные и по хозяйству...». Или: «Видел я, как ищут золото. Труды сии для меня чрезвычайно назидательны: копают глубокие колодцы, ворочают и вытаскивают огромные камни, выкачивают множество воды, таскают и моют грязь, чтобы добыть одну малую песчинку золота...». И алтайские миссионеры занимались катехизаторской работой, учили и лечили новокрещёных и их детей, обучали их огородничеству, при необходимости пекли им хлеб, помогали хозяйственному обустройству. Сам архимандрит Макарий не приписывал себе заслуг в обращении алтайцев. Узнав о том, что служитель Церкви, который «введёт сто душ в христианскую веру», награждается орденом Святой Анны III степени, 12 февраля 1834 года он подал рапорт архиепископу Тобольскому Афанасию с просьбой «не украшать его службы» никаким орденом и никаким отличием, а лишь «подаванием милостыни для бедных между новокрещёными». Эта просьба была удовлетворена. А в 1835 году за ревностное служение и подвиги в деле проповеди слова Божия народам Алтая Высочайшим повелением основатель Алтайской миссии был награждён наперсным золотым крестом, украшенным драгоценными камнями.

«Отец архимандрит Макарий, — писал о нём святитель Макарий (Невский), — был муж высоко просвещённый не одной наукой, но и Божественной благодатию... В нём явственно почил дух премудрости, дух разума, страха Божия и ревности о славе Божией. Мудрость его выража-

лась в способности изыскивать, благовременно и уместно употреблять средства к осуществлению планов, им же мудро предназначенных ко исполнению своего дела служения. Таковыми средствами для успеха миссионерского дела служили: неустанная проповедь, живое, благодатное и общедоступное слово, многообразная попечительность о благоустройении новопросвещённой паствы и разного рода благотворительность. Страх Божий обитал в нём от дней юности, а ревность о славе Божией была по преимуществу отличительной чертой его характера»¹.

Заложив прочное основание миссионерского дела на Алтае, в конце декабря 1842 года архимандрит Макарий подал в Святейший Синод прошение об освобождении его с поста начальника Алтайской Духовной Миссии, ссылаясь на ослабление здоровья, прежде всего зрения. «По вечерам и читать и писать уже отказываются глаза, чувствительнейше ослабевающие», — сообщал он в сентябре 1843 года. «Земной мой дом, — писал о себе отец Макарий, — сия хижина, очевидно, ветшает и приближается к разрушению».

Указом Святейшего Синода от 16 июня 1844 года архимандрит Макарий был освобождён от руководства миссией и определён настоятелем в Троицкий Оптин монастырь Орловской епархии близ города Болхова.

Прощаясь с Алтаем, с миссией, отец Макарий в благословение своей новопросвещённой пастве оставил вдохновеннейшие строки:

Алтай золотой!
Будь счастлив, родной!
И мир — над тобой!

Будь ты исполин,
И свят, как Афон:
Господь твой — один.
Все мерзости вон.

Алтай мой родной,
Отныне Бог твой —
Спаситель драгой!
Прощаюсь с тобой
На сердце с тоской,

¹ *Архиепископ Томский и Алтайский Макарий. «Три могилы»: архипастырская беседа в Улалинском храме Алтайской миссии // «Полное собрание проповеднических трудов Преосвященного Макария, Архиепископа Томского и Алтайского». — Томск, 1910. С. 522.*

В слезах на глазах,
С молитвой в устах!

Алтай мой родной,
Отныне Бог твой —
Спаситель драгой!

Прости, мой родной,
Прости, мой Алтай,
И, Богом хранимый,
Завет поминай!

Алтай золотой!
Будь счастлив, родной!
И мир — над тобой!

4 июля 1844 года архимандрит Макарий к истинному горю всех знавших его в просвещённом им краю отправился к месту своего нового назначения. По воспоминаниям келейника Архипа Орлова, которого архимандрит Макарий взял с собою в Болхов, майминцы и улалинцы, провожавшие своего пастыря, ещё «около пяти вёрст шли с воплем и рыданиями, с напрасными усилиями преградить ему путь, остановить лошадей и удержать экипаж». На высоком перевале — там, где открывается вид на Майму и ущелье Улалы, — отец Макарий вышел из экипажа, благословил в последний раз родную миссию и молитвенно произнёс: «О Владыко Всесвятый, Всемогущий, Всеведущий и всем управляющий! Твоей всесвятнейшей воле и благодати благоугодно было поставить меня, ничтожного, на сие служение. Ты Сам кого избрал, тех и призвал из тьмы заблуждения в познание Тебя, Единого, Истинного Бога во Святой Троице. Ты привёл их во Святую Твою Церковь, искупленную Честною Кровию возлюбленного Сына Твоего Иисуса Христа, очистив водою бани пакибытия посредством моего недостойства. О Всесвятнейший, Всемогущий Боже! Соблуди, сохрани, покрой и спаси, их же просветил еси мною недостойным. Они ещё младенцы, ещё плотские; я питал их млеком и некрепкою пищею. При Твоей всесвятнейшей помощи сколько мог и что мог успеть сделать, то всё — Тобою Самим. Ты Сам мне дал их родить святою купелью, и я опять оставляю их под всемогущий Покров Твой Святой»¹.

15 ноября 1844 года архимандрит Макарий прибыл в Троицкий Оптин монастырь. Правящий архиерей, архиепископ Орловский и Севский

¹ «Отчёт об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1884 год» // «Томские епархиальные ведомости». 1885. № 7. Отд. неофициальный. С. 4.

Смарагд (Крыжановский), с которым архимандрит Макарий когда-то учился в Санкт-Петербургской духовной академии, высоко ценил заслуженного миссионера-подвижника и уважал все его ходатайства.

В Болхове отец Макарий продолжил свою миссионерскую деятельность, так как оказалось, что российская провинция не меньше Алтая нуждается в духовно-нравственном просвещении. Выяснилось, что даже городской голова не знает Символа веры, а из молитв помнит лишь «Вотчу» (так он именовал молитву «Отче наш»). По опыту зная, как «неизлишне быть миссионером и среди православных», архимандрит Макарий решил сам учить болховитян. Будучи настоятелем монастыря, он постоянно проповедовал: «В церкви проповедь его была ежедневна, несмотря на то, много или мало было народа; проповедь его состояла не из красноречивого сочинения, но просторечно толковал он народу из дневного Евангелия или Апостола, которые читались на Литургии, и толковал по несколько раз один текст, который более важен для знания. Некоторые лица его спрашивали, для чего он не читает проповедей из книг или своего сочинения; он на это отвечал: проповеди из книг, написанных святыми отцами или церковными учителями, хороши, верны и необходимы для просвещения народа, но мне не прилично чужие слова повторять, тогда как сам на это поставлен, и горе мне будет, если я благоговествовать не стану, как говорит апостол (1 Кор. 9, 16). Формальные проповеди проговариваются скоро, и не всякий может ясно понять, а простому и престарелому человеку надо говорить просто и долго, пока он хорошо заметит»¹. Иеромонах Паисий Пыляев, услышав в Болхове проповедь архимандрита Макария, писал, что этот «прежде бывший миссионер владеет удивительным искусством передавать самые высокие истины простым и общепонятным словом. На него смотрят как на святого. Он привлёк к себе всю окрестность своими беседами. Говорил в простой день, а церковь была полна народу»².

Отец Макарий активно проводил и внебогослужебные просветительные беседы с народом, на которые призывал и детей, и взрослых. Болховский монастырь вместе с настоятельской квартирой обратились в подлинное училище благочестия. С утра до ночи там толпился народ:

¹ «Краткие записки из жизни покойного архимандрита Макария, составленные бывшим его келейником (Орловым)» // «Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптина монастыря отца архимандрита Макария Глухарёва». — Издание Орловской учёной архивной комиссии по случаю пятидесятилетия со дня блаженной кончины отца Макария 18-го мая 1847 года. — Орёл, 1897, С. 37–38 (особая пагинация).

² Там же. С. 84.

к отцу Макарию шли кто за советом, кто за утешением, кто за наставлением. «И всех он, родимый, принимает, со всеми беседует, — рассказывает один болховский житель. — Это нам отца родного послал Господь! А посмотрели бы вы, сколько детей вокруг него! Сами бегут к нему со всего города. И всех их сам учит: иным раздаёт книжки, другим крестик даёт, иных ставит на молитву и учит молиться, других грамоте учить приказывает своим послушникам».

Истощение физических сил, как вспоминала М. Д. Францева, дочь сибирского чиновника, воспитанница семьи декабриста М. А. Фонвизина, понудило отца Макария просить Святейший Синод о разрешении устроить при его келье домовую церковь. Не получив на то разрешения, он служил у себя Всенощную, куда ходил весь город. По окончании службы архимандрит Макарий садился на складной стул и приступал к духовной беседе, продолжавшейся порой за полночь.

Любимым предметом бесед отца Макария была деятельная любовь к ближним, забота о страждущих и нуждающихся в помощи людях. Это отражало сущность миссионерского служения. «Ты говоришь ему о небе, а он спрашивает тебя о хлебе», — говорили о своих пасомых алтайские благовестники. Поэтому жертвенная любовь к страждущим людям не только усиливала беседы преподобного Макария, но часто бывало так, что доброе дело опережало доброе слово. «„Не забывайте, — часто говорил он, — убогих и нищих наших собратий, подавайте милостыню, кто сколько может, и всегда во всём прославляйте имя Иисуса Христа“. Отец Макарий и своим примером поучал народ такой любви. По воскресным и праздничным дням, выходя из церкви, он брал с собою какого-нибудь нищего, вечного слепца или дряхлого старца, приводил его к себе келию и сажал на переднее место. Потом он угощал его первую чашкою чая, сам ставил перед ним кушанье и служил ему без помощи келейника»¹. Служение ближним было потребностью его души. «Я примечаю, — говорил старец, — что сам безутешен бываю, когда другим не творю утешения». Поэтому всё своё он отдавал неимущим. «На что монаху и имуществу, — говорил он. — Ему не нужно иметь ни шкатулок, ни кошельков, бедные и убогие — вот его шкатулки! Что в них положишь, того не украдут воры, то отпрут только на том свете».

Глубокое понимание сокровенных движений сердечных открывало в отце Макарии прозорливость человека Божия. Как рассказывал житель Болхова К. Ф. Шестаков, многие получали советы и наставления, за которыми приходили к старцу, в то время, когда он разговаривал с дру-

¹ «Материалы для биографии основателя Алтайской Миссии архимандрита Макария». — М., 1892. С. 58.

гими посетителями: «Удивлялись мы, какого Бог послал нам старца прозорливого. Кто бы ни пришёл из посетителей с какой-либо нуждою, за советом и наставлением, всегда получали их в беседе старца, даже не передавши ему об этом». Множество свидетельств духовной прозорливости отца Макария, умевшего располагать людей к осознанию своих греховных поступков и искусно исцелять их душевные раны, было собрано его почитателями протоиереями Илией Ливанским и Евфимием Остромысленским. Последний сообщал о таком случае: «Помню, как один молодой человек, закончивший курс учения в высшем заведении, пришёл к отцу Макарию, для любопытства ли или для совета о чём-нибудь. Благословив его, тот устремил на него молча яркие глаза свои и после долгого молчания стал говорить, постепенно возвышая тон голоса: „А? ...Что? ...Понимаешь?“ — грозит на него пальцем. Молодой человек побледнел. „Понимаешь?“ — тот зашевелил было губами, хотел что-то сказать. „Ц-ц-ц!“ ...и молодой человек залился слезами. Отец Макарий переменял тотчас грозный вид на сострадательный и с глубоким вздохом сказал ему: „Не плачь, молись Господу Иисусу, взявшему грехи мира и на кресте пригвоздившему“. Благословил его и отпустил с миром»¹.

По молитвам архимандрита Макария многие больные получали исцеление. Отец Макарий давал им благословенный хлеб, елей и бого-явленскую воду и, по словам Архипа Орлова, «много этим пользовал больных». В записках келейника рассказывается о многократных случаях проявления через преподобного Макария чудодейственной силы Божией: например, выздоровление одной инокини, привезённой в Болхов из другого монастыря, исцеление расслабленной девушки, о которой её мать просила молитв отца Макария, а также младенца, страдавшего гнойными язвами на лице и выздоровевшего после того, как отец Макарий помазал его елеем от лампы.

По свидетельству не только жителей Болхова, но и алтайских и тобольских знакомых отца Макария он обладал и даром предвидения, который сказывался в том, что старец предугадывал порой на грядущие события. Так, на Алтае архимандрит Макарий спас женщину от самоубийства, прозрев духовным зрением её намерение и успев послать к ней своего послушника; в Болхове старец предупредил семью городского головы о грозящем их дому пожаре.

Постепенно известность отца Макария вышла далеко за пределы города. Как отмечал священник Иоанн Герболинский, «слава о благочестивой и святой его жизни распространилась по всему южному краю

¹ *Протоиерей Евфимий Остромысленский*. Архимандрит Макарий, алтайский миссионер // «Странник». 1860. Т. 1. № 1. С. 16.

России». «По всему было видно, — писал также протоиерей Евфимий Остромысленский, — что Господь Иисус Христос даровал ему то благодатное помазание Духом Святым, о котором говорит богослов и друг Христов: *и вы помазание имате от Святаго, и вместе вся* (1 Ин. 2, 20). Иначе как объяснить ту благодатную силу и власть слова, которыми он в короткое время привлёк к себе целый город, — и родителей и детей, и мужской пол и женский — ту сладость словесного и нелестного млека, которым питал умы и сердца детские, — то необоримое оружие, *острейшее паче меча обоюду остра* (Евр. 4, 12), которым приводил в трепет и поражал врагов света Божественного?»¹. Ещё при жизни люди именовали архимандрита Макария «святым человеком Божиим». «Он до того возбудил во всём обществе доверие и любовь к себе и рвение к благотворительности, — сообщила М. Д. Францева, — что несколько дам посвятили себя на дело миссионерства и отправились на Алтай для заведывания школами и преподавания детям грамоты и слова Божия»². Это были две «благоговейные и благочестивые девицы», как охарактеризовал их сам отец Макарий, — Е. В. Варламова и А. Н. Романчикова, которые в апреле 1847 года отправились служить в Улалу при Алтайской миссии. Архимандрит Макарий сам проводил их в путь, снабдив денежными средствами. По совету отца Макария на Алтай отправился и послушник Болховского монастыря Дмитрий Коновалов (в будущем иеромонах Дометиан), который посвятил свою жизнь миссионерскому служению в Горном Алтае.

Таким образом, и в Болхове архимандрит Макарий не забывал об Алтайской Духовной Миссии, её нуждах. Через своего друга московского священника Николая Лаврова он положил 300 руб. в Сохранную казну Московского Воспитательного дома, «на вечные времена, как неподвижный капитал Церковной Алтайской Миссии, учреждённой в Бийском округе Томской епархии». Тому же отцу Николаю весной 1847 года он сообщал: «Если будете печатать Лепту и в отдельном виде песнь о преподобном Алексее, то на сорочке и сей последней напечатайте крупными буквами: **в пользу Церковной Алтайской Миссии**»³. Впрочем, продавать книжки и, следовательно, назначать цены на них автор не предполагал.

¹ *Протоиерей Евфимий Остромысленский*. Ещё некоторые сведения об отце архимандрите Макарии, первом алтайском миссионере // «Странник». 1860. Т. 3. № 8. С. 72.

² *Францева М. Д.* Воспоминания // «Исторический вестник». 1888. Т. 32. Май.

³ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 475.

В Болхове архимандрит Макарий продолжил заниматься переводами ветхозаветных книг. Там он завершил работу над переводом книг пророков Иеремии, Иезекииля, а также книги Руфь, привлекая к своей работе множество лиц. Одни люди переписывали готовые варианты переводов ветхозаветных книг. «Достопочтенная сестра о Господе, — писал отец Макарий своей сотруднице по миссии Софии де Вальмон, — благодарю за труды и посылаю исправленный перевод Книги Иова; старайтесь писать как можно правильнее и степенным почерком; видите, как Непряхина пишет; впрочем, Вы не все буквы у неё перенимайте...»¹. А в письме к орловскому чиновнику Н.И.Верниковскому и его сестре 20 февраля 1847 года он сообщал: «Думаю, что вы ещё или не начали списывать священную книгу, или если и начали, то написали пока немного, и потому не оскорбитесь тем изменением в распоряжениях, которое вы найдёте в письме моём к отцу Андрею [священнику кладбищенской церкви в г. Орле]. Благоволите вместе с ним и прежнее отослать к нему, дабы ему всё известно было, что и ему надобно знать при списывании библейских книг, и также всё потребное рассказать и повторять, если нужно, благороднейшей Александре Ивановне потрудитесь. Для неё посылаю книгу Руфи, в полной уверенности, что списывать её будет приятно»². Другие же люди помогали архимандриту Макарию знакомиться с библейскими переводами на европейских языках. Так, находящимися в ссылке в Тобольске декабристами М.А.Фонвизиним, П.С.Бобрищевым-Пушкиным, Н.П.Свистуновым для отца Макария был подготовлен перевод с европейских языков современных библейских комментариев. Известны помощники архимандрита Макария и среди духовенства: священник Николай Лавров, протоиерей Евфимий Остромысленский. А упомянутая в письме духовная дочь отца архимандрита Е.Ф.Непряхина, чтобы быть полезной ему в этом деле, на пятом десятке лет взялась даже за изучение французского, немецкого и английского языков.

В целом за период с 1836 по 1847 год архимандрит Макарий сделал почти полный перевод на русский язык книг Священного Писания Ветхого Завета, исключая Псалтирь, которая в 1822 году уже была издана Российским Библейским Обществом. При этом книги пророков Иова и Исаяи с еврейского на русский отец Макарий перевёл самостоятельно. Переводы же Пятикнижия, книги Судей, 1—4 кн. Царств, книг Руфь, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Есфири, 1 и 2 Паралипоменон, 2 Ездры, Неемии, 1 и 2 Маккавейских, а также 15 пророков были сделаны им на основе труда, предпринятого протоиереем

¹ Там же. С. 416.

² Там же. С. 530.

Герасимом Павским. О связи и преемственности своего перевода с переводами протоиерея Герасима Павского архимандрит Макарий писал: «Я за учителем моим по еврейской Библии следовал как ученик, а не как невольник, и не все мнения его принял за самые верные, но в некоторых местах удержался на других основаниях; и хотя при священном тексте сих книг находятся у меня прежние объяснительные примечания, которые также пересмотрены и исправлены, однако поправок в тексте было так много, что перевод, сделанный мною, стал уже не моим. Усердно желаю, чтобы он сделался нашим»¹.

Одновременно отец Макарий усиленно правил свои переводы, сверяя их с современными европейскими, а также с комментариями к ним, и готовил их к публикации².

30 марта 1846 года архимандрит Макарий подал прошение в Святейший Синод об увольнении за границу для поклонения святым местам сроком на один год. Вероятно, и на Святой Земле он собирался продолжить переводческую деятельность. В письме к отцу Николаю Лаврову в начале 1847 года он просил: «Сделайте милость, побольше времени употребляйте на соглашение списков библейских книг, и помните, что как только откроется летний путь и просохнут дороги, мне непременно, если Господь благословит, надобно будет приступить к исполнению путешествия: и посему Вам также должно непременно к маю месяцу возвратиться ко мне книгу пророка Иеремии с Плачем его и книгу Иезекииля, что касается до исторических книг, я постараюсь прислать в Москву один экземпляр их, исправленный»³.

20 августа 1846 года архимандрит Макарий получил долгожданное разрешение Святейшего Синода на поездку в Иерусалим. В одном из писем он делился своими планами относительно предстоящего путешествия: «В половине мая, если Богу угодно, я намерен проститься с Болховым», далее через Орёл, Глинскую пустынь и Киев — в Одессу, а там — морем в Константинополь, потом — до Яффы и далее «сухим путём» — в Иерусалим. Сохранилось предание, согласно которому архимандрит Макарий предполагал в Вифлеемской пещере блаженного Иеронима или в другом каком-либо месте Иерусалима продолжить свою переводческую деятельность и, возможно, уже не возвращаться в Рос-

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 187.

² Переводы книг Ветхого Завета, как и большинство других работ архимандрита Макария, увидели свет лишь после кончины выдающегося просветителя народов Алтая — в 1860–1867 гг. В последующем эти переводы послужили немалым подспорьем для подготовки синодального перевода Библии на русский язык.

³ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 473.

сию, обрета вечный покой в Святой Земле. «Простите, возлюбленные! — обращался он к своим друзьям. — У всех, кого я огорчил, обидел, соблазнил, в грех ввёл, испрашиваю милостивого прощения ради Христа и радушного благословения Его же именем»¹.

1 апреля 1847 года преподобный Макарий написал последнее письмо на Алтай, в котором, поздравив своего преемника на посту начальника Алтайской миссии протоиерея Стефана Ландышева со Светлым Христовым Воскресением, сообщал, что «сладчайшее утешение» всем принесло его сообщение о крещении 110-летнего старика Кочоева — «последнего из старожилов улалинских», бежавших некогда от призывов архимандрита Макария. Заканчивалось это письмо основателя миссии весьма утешительным назиданием своим духовным чадам на Алтае: «Будьте здоровы, благодумствуйте, взирайте на Господа Иисуса Христа распятого. Он был мертв, а ныне жив, и живёт и будет жить и царствовать на Небеси и на земли во веки веков, а с Ним и вы, если ныне потрудитесь с Ним радушно. Не правда ли, что вы каждый день несколько раз благодарите Отца Небесного? Не правда ли, что благодарность есть чувство весьма приятное и составляет благополучие наше? Так, Создатель даровал нам такое сердце, которое бы умело благодарить Его, и благодарение есть всегда новое благодаяние Его. Так, милость Его даёт нам жизнь, дыхание и всё. Слава Ему во веки. Аминь»².

В мае 1847 года перед самым отъездом на Святую Землю архимандрит Макарий внезапно заболел. Как сообщал келейник отца Макария, «по наступлении мая он даже не имел покоя от народа, 5-го числа он дошёл до изнеможения и уходил для отдыха на несколько минут». Несмотря на сильную боль в желудке, архимандрит Макарий продолжал принимать посетителей, а на следующий день, отслужив раннюю Литургию и произнеся проповедь, поехал в город прощаться с друзьями. 6 мая 1847 года, за 12 дней до своей кончины, он писал к Е. В. Варламовой и А. Н. Романчиковой, находящимся на пути в Сибирь: «Потом ещё в трёх домах я был, увлекаемый желанием приятелей болховских, и чрез все эти входы и выходы, по великой милости Божией, которой я недостоин, со всех сторон нить утешений благословительных шла, и в монастырь я возвратился уже по вечеру позднему... Хотели выехать в пятницу после Вознесения, но отложили отъезд до вторника после праздника Святой Троицы [в 1847 году он пришёл на 11 мая]»³. В монастыре врачи осмотрели старца, нашли, что у него воспаление лёгких, печени

¹ «Письма архимандрита Макария Глухарёва...». С. 73.

² Там же. С. 498.

³ Там же. С. 532.

и желудка. Болезнь быстро приняла острую форму и перешла в тиф. Врачи прилагали большие усилия, чтобы помочь архимандриту Макарию. По свидетельству очевидцев, с удивительным терпением он переносил жестокие страдания.

В последний день перед кончиной, 17 мая, преподобный Макарий написал карандашом такие возвышенные строки:

Мой Бог! Мой Царь-Отец!
Спаситель дорогой!
Пришёл желанный день!
Паду перед Тобой!
Ещё я на земле!
Но дух Тобой трепещет!
Зрю! Светит горний луч!
Заря бессмертья блещет.

На следующий день, 18 мая, «видя приближение к концу, — писал Архип Орлов, — братия поспешила ранее отслужить обедню и приобщить его Святых Таин, а по окончании поздней обедни он того же 18 числа мая в 10 часов 20 минут скончался при собрании многих знатных лиц»¹.

Кончине великого миссионера (на 55-м году жизни), по свидетельству протоиерея Стефана Ландышева, «без сомнения много содействовало крайнее изнеможение и истощание жизненных сил предшествовавшими неутомимыми трудами, которых он не жалел там, где дело шло об интересах благодатного Царствия Божия. Блаженный дух его видимо для бывших при нём в последние дни жизни принимал озарения из горнего мира, весь был погружён в благоговейное созерцание и молитву; глубокий мир и небесная радость исполняли его в таком избытке, что поглощало чувство жестоких страданий телесных»².

Последними словами основателя Алтайской Духовной Миссии стали слова огласительные

«Свет Христов просвещает всех!»

¹ Орлов А.А. Краткие записки из жизни покойного архимандрита Макария, бывшего миссионером Алтайской Церковной Миссии, а потом настоятелем Болховского Троицкого Оптина монастыря // «Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптина монастыря отца архимандрита Макария Глухарёва. — Орёл, 1897. С. 47.

² Протоиерей Стефан Ландышев. Записка об алтайском миссионере, покойном отце архимандрите Макарии // ГАТОТ. Ф. 144. Д. 44-а. Л. 138 — 139. Автограф.

«Колокол возвестил всему городу о его отшествии, — писал келейник, — и народ со всех сторон стекался; всякий теснился, желая в последний раз взглянуть на него и отдать последний поклон».

По завещанию Преподобного его положили в гроб, на котором был начертан Крест и слова Христа Спасителя: *«Аз есмь воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки»* (Ин. 11, 25–26). При облачении на него была возложена епитрахиль, полученная некогда от старца Ливерия. Об этом сохранилось свидетельство: «Когда тело покойного отца Макария понадобилось положить во гроб, то не нашлось у него и другой простыни, кроме одной толстой, узенькой и короткой. Одели его в старое поношенное платье, потому что лучшего не было, епитрахиль же надели тоже старую — ту самую, которую он когда-то получил от своего духовника отца Ливерия, находясь ещё в Екатеринославле».

В течение семи дней в соборном храме монастыря народ прощался со своим любимым наставником. На восьмой день Преосвященный Смарагд совершил погребение архимандрита Макария. Погребён был преподобный Макарий в соборном храме Болховского Троицкого Оптиного монастыря, в склепе, расположенном с южной стороны трапезной. Впоследствии на месте погребения были устроены два придела — справа в честь Воскресения Христова, где под самым престолом находился гроб отца Макария, и слева — в честь Воскрешения праведного Лазаря.

При погребении архиепископ Орловский и Севский Смарагд сказал о нём — «Осуществлённое Евангелие». А святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский, написал: «Макарий был истинный слуга Христа Бога».

Заслуги архимандрита Макария перед Церковью уже в 1847 году были засвидетельствованы в отчёте обер-прокурора Святейшего Синода: «Между совершившими земное поприще надлежит упомянуть об архимандритах и настоятелях монастырей: ставропигиального Ростовского Яковлевского Дмитриева — Иннокентии и Болховского Троицкого — Макарии, которые по своему духовному просвещению и высокой внутренней жизни стяжали особенно всеобщее уважение, посвятив все дни свои назиданию, утешению и утверждению народа в благочестии».

В Алтайской Духовной Миссии ежегодно 19 января, в день памяти преподобного Макария Великого, алтайские миссионеры собирались на свой Братский миссионерский съезд, отдавая дань памяти Незабвенному Основателю Миссии. Десятки священников-миссионеров, их помощников несколько дней единодушно находились в молитве, читали друг другу свои годовые записки-отчёты, делились радостями и горестями, говорили

о школьных делах, поминали преждепочивших тружеников миссии и, укрепившись таким братским общением, возвращались в свои станы, чтобы дальше трудиться на ниве Божией.

После кончины архимандрита Макария многие годы жители Болхова и многочисленные паломники посещали место его погребения, возносили молитвы о нём ко Господу, служили панихиды. В 1892 году, в дни празднования 100-летия со дня рождения первоапостола Алтая, Болховский монастырь стал местом стечения многих тысяч людей. Но особые торжества по случаю юбилея прошли в Томске и на Алтае.

19 января 1892 года в Улалинском стане Алтайской миссии особенно торжественно проходил Братский съезд алтайских и киргизских миссионеров. Литургию перед началом съезда миссионеры совершали в голубом парчовом облачении, пожертвованном миссии в связи с предстоящим юбилеем её первого начальника обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым. По окончании Литургии, на которой присутствовало несколько сот крещёных алтайцев, на середину храма были вынесены священные сосуды и другие церковные принадлежности для походной миссионерской практики — дар миссии, присланный наследником-цесаревичем Николаем Александровичем.

В преддверии празднования 100-летия со дня рождения выдающегося миссионера Русской Православной Церкви в Санкт-Петербурге, Москве и Томске в церковной периодической печати появился целый ряд очерков, статей, а также вышли в свет книги и брошюры, знакомящие с жизнью и трудами первоапостола Алтая. В Томске в 1892 году было напечатано жизнеописание архимандрита Макария на русском и алтайском языках.

Накануне празднования юбилея в Томске и Бийске были отслужены заупокойные Всенощные бдения. В сам день блаженной памяти Незабвенного Основателя миссии торжества в г. Томске возглавил епископ Томский и Семипалатинский Макарий (Невский), в г. Бийске — епископ Бийский Владимир (Сеньковский). Духовенством были совершены заупокойные Литургии, организованы литературные чтения, народные беседы, проведены торжественные собрания. В речи Пресвященного Макария, епископа Томского и Семипалатинского, на торжественном собрании было отмечено: «Семя Царствия Божия, посаженное о. Макарием, прозябло, выросло и стало деревом, широко раскинувшим свои ветви не только по городам и дебрям Алтая, но и за пределы его». В Бийске, в центральном пункте миссии, в этот день состоялось освящение новой каменной церкви в честь Казанской иконы Божией Матери. Кроме того, Алтайской миссией была учреждена стипендия

в честь архимандрита Макария, которая предназначалась для обучения в духовной семинарии способнейшего из крещёных алтайцев, желавшего посвятить себя миссионерской деятельности.

Труды первоапостола Алтая во благовестии Христове не были забыты в Сибири и после революции 1917 года. В 1981 году имя архимандрита Макария (Глухарёва) было прославлено в Соборе Костромских святых. С 1984 года его имя прославляется в Соборе Сибирских святых, а также в Соборе Смоленских святых. Так было положено начало общецерковного почитания великого благовестника Алтая. В 2000 году Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви «за праведное житие, равноапостольные труды по переводу Священного Писания на алтайский язык и распространение на Алтае веры Христовой» архимандрит Макарий (Глухарёв) был прославлен как Макарий Алтайский в лике преподобных.

В наше время имя преподобного Макария знают и почитают в Москве и Санкт-Петербурге, Киеве и Костроме, Вязьме и Казани, Томске и Иркутске, но особенно на Алтае и в Болхове.

С 2002 года на Алтае на базе Горно-Алтайского государственного университета стали ежегодно проводиться международные Макарьевские Чтения, на которых, как некогда на Братских съездах алтайских миссионеров, встречаются и обмениваются опытом и знаниями православные священники, учёные, педагоги, врачи. Значительное число докладов посвящено жизни и деятельности преподобного Макария, его духовному наследию.

С 2006 года в Горно-Алтайске действует храм во имя преподобного Макария Алтайского. С самого начала он задумывался как храм-памятник алтайским миссионерам. Идея возведения такого храма впервые была озвучена ещё в конце 1990-х гг. членами Братства в честь преподобного Макария Алтайского (Глухарёва). Строительство храма было начато в 2002 году, а 19 сентября 2006 года состоялось торжественное освящение престола верхнего храма во имя преподобного Макария Алтайского. 22 мая 2014 года в г. Бийске был освящён крестильный храм, расположенный на территории Казанского архиерейского собора, который в начале XX века был главным храмом на территории Алтайской Духовной Миссии. В этом храме два престола — во имя святителя Макария (Невского) и во имя преподобного Макария (Глухарёва).

С 2007 года в Горном Алтае проводится ежегодный миссионерский крестный ход «По стопам миссионеров алтайских», который собирает более сотни участников не только из Республики Алтай и Алтайского края, но и из самых разных уголков России. Начальной точкой маршрута

традиционно является храм Сошествия Святого Духа в Майме, первое каменное здание в Горном Алтае, в проектировании и строительстве которого живейшее участие принимал преподобный Макарий. Многодневный крестный ход с образом Спасителя, иконами святителя Макария (Невского) и преподобного Макария (Глухарёва), хоругвями и крестами проходит по трассам и перевалам Горного Алтая — тем местам, где совершали своё апостольское служение алтайские благовестники. При этом каждый год для крестного хода выбирается новый маршрут. В 2015 году девятый крестный ход проходил по маршруту Майма — Усть-Кокса (около 180 км).

21 сентября 2015 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в городе Барнауле совершил чин освящения закладного камня в основание кафедрального собора в честь образа Спаса Нерукотворного, который станет главным и самым большим храмом Алтайской митрополии. Вблизи него планируется установить памятник просветителю народов Алтая — преподобному Макарию (Глухарёву).

Троицкий Рождественский Богородицкий Оптин монастырь в Болхове был закрыт в 1923 году. По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 17 июля 2002 года началось его возрождение.

+ + +

Тропарь, глас 4

Христо́вою любо́вию подвиза́ем, / благове́стити ве́ру и́стинную прише́л
еси́ наро́дом Алта́йским, преподо́бне, о́тче наш Мака́рие, / сло́вом и
жити́ем тех наста́вляя, / приве́л еси́ мно́гих ко спасе́нию, // его́же
сподо́би и нас моли́твами твои́ми.

Кондак, глас 3

Язы́ческаго злове́рия избе́гше, / про́поведию твое́ю Творца́ све́тов
позна́хом. / Ему́ же в Троби́це покланя́ющесея, мо́лим тя, равноа́посто́льне
Мака́рие, / сохраня́й ча́да тво́я в и́стинней ве́ре Христо́вой //
предста́тельством твои́м пред Бо́гом.

+ + +

Память преподобного Макария Алтайского совершается четыре
раза в год:

18 (31) мая — день блаженной кончины преподобного Макария (†1847);

23 января (5 февраля) — в Соборе Костромских святых;

10 (23) июня — в Соборе Сибирских святых;

В воскресенье перед 28 июля (10 августа) — в Соборе Смоленских святых.

Святитель Макарий (Невский), митрополит Московский и Коломенский, митрополит Алтайский

Теплоту и свет Христов источая, ко Христу многия люди привел еси.

*Из тропаря святителю Макарию
(Невскому), глас 4*

Продолжателем преподобного Макария (Глухарёва) в деле евангельской проповеди народам Алтая стал святитель Макарий (Парвицкий — Невский), будущий митрополит Московский и Коломенский, митрополит Алтайский. На этом поприще Владыка Макарий также прославился как муж апостольской ревности, заслужив среди современников именованья «апостол Алтая», «патриарх алтайских миссионеров». Новокрещёные алтайцы звали его «вторым Макарием».

Михаил Андреевич Парвицкий, так звали в миру святителя Макария, родился в 1835 году в селе Шапкино Ковровского уезда Владимирской губернии, в очень бедной семье причетника сельского храма. Он был шестым ребёнком в семье, рос слабым, болезненным. С первых лет жизни Михаил большую часть времени проводил в храме, помогая отцу. От матери унаследовал любовь к молитве — её действенную силу он ощутил уже в детстве, когда горячо молился о тёплой одежде и Господь послал её через добрых людей. Молитва матери избавила его однажды от гибели на льдине, а в другой раз — от рук разбойников. Впоследствии старец-митрополит говорил приходившим к нему за духовным советом: «Молитва материнская со дна морского достанет».

Семья Парвицких испытывала тяжкую нужду. Положение особенно ухудшилось после того, как сгорел их дом и «пришлось поселиться в бане, построенной „по-чёрному“»¹. После этого они несколько месяцев

¹ *Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания.* — М., 1995. С. 186.

жили в маленькой церковной сторожке. Ввиду крайней бедности семья Парвицких в 1843 году оставила родные места и отправилась в Сибирь, где в Тобольске отец надеялся получить дьяконское место. Не получив желаемой должности, вместе с семьёй он отправился дальше, на Алтай, в село Верх-Ануйское Томской губернии. Там положение семьи несколько улучшилось. В Тобольске остался один Михаил, поступивший в духовную семинарию. Он усердно занимался учёбой, много читал. Кроме чтения Священного Писания, знакомился с творениями епископа Тихона Задонского, преподобного Ефрема Сирина, любил читать жизнеописание старца Серафима Саровского. По свидетельству протоиерея Александра Сулоцкого, работавшего в то время в семинарии, Михаил был «скромнейшим и вообще лучшим студентом Тобольской семинарии»¹. От чрезмерных занятий он сильно заболел, был даже близок к смерти, но Господь сохранил его, хотя слабость здоровья и недомогания навсегда стали спутниками его жизни. Именно в Тобольской духовной семинарии будущему святителю была дана фамилия Невский.

Михаил окончил семинарию в 1854 году, вторым по разрядному списку, со степенью студента. Это давало возможность продолжить учёбу в духовной академии, однако ещё со школьной скамьи его занимала мысль о миссионерском служении. Позже он скажет: «Известия об апостольских трудах патриарха российских миссионеров [речь идёт о святителе Иннокентии (Вениаминове)] влекли сердце моё к алеутам американским, но промысл Божий, случайным разговором со мной одного из присных моих, указал мне путь к телеутам алтайским, в Алтайскую миссию».

22 февраля 1855 года Михаил Невский поступил на службу в Алтайскую Духовную Миссию в должности учителя и сотрудника-миссионера — так называли катехизаторов, которые помогали священникам-миссионерам в проповеди слова Божия. Принимая его на службу, начальник миссии протоиерей Стефан Ландышев пророчески сказал: «Ну, и будь ты вторым Макарием, золото моё, Михаил Андреевич». Говоря так, он имел в виду, конечно, незабвенного основателя миссии архимандрита Макария (Глухарёва). В первый или второй год службы в миссии Михаил был утешен явлением ему во сне «первоапостола Алтая». «Я видел его, — писал он впоследствии, — явившимся мне в алтаре, когда оттуда был услышан шум в самом храме. Указывая на этот беспорядок как на последствие

¹ ГАТот. Ф. 144. Фонд прот. Александра Сулоцкого. Д. 106. Письма прот. А. Сулоцкого, в том числе ректору Тобольской ДС.

нерадения тех, которым поручена улалинская паства, он сказал мне: „Ты здесь после меня обучайся“. Считаю эти слова пророческими»¹.

Помощь свыше была явлена Михаилу Невскому и в изучении языка местных жителей, который поначалу ему не давался. Он стал молиться Божией Матери, и уже к весне второго года чудесно усвоил новый язык. Сами алтайцы удивлялись тому, «как скоро научился он понимать язык их родины», на что будущий миссионер им отвечал: «Мне Матерь Божия помогла!»

В первый год своего пребывания на Алтае Михаил служил в Улале (ныне Горно-Алтайск) псаломщиком в местной церкви и учителем в Улалинской миссионерской школе. Он обучал детей алтайцев церковному пению, читал им жития святых, с особым усердием занимался духовными беседами с новокрещёными, а также ежедневным чтением и толкованием им духовно-нравственных книг. Вместе с миссионером-священником Василием Вербицким он ходил с проповедью Евангелия по аилам Горного Алтая и селениям шорцев, проживавших в Кузнецком уезде. Нередко он предшествовал миссионеру, проводя подготовительную работу. В своих миссионерских записках за 1857 год отец Василий писал: «Условившись с братом Михаилом, посещали мы далеко живущих от церкви новокрещёных инородцев для причащения их Святых Таин Тела и Крови Христовой. Брат Михаил, отправляясь за неделю вперёд в их аилы, общественной молитвою и поучением приготавливал их к Трапезе Господней. 13 марта в селении Верхнем Карагуже приобщено нами Христовых Таин обоюбого пола 104 человека».

25 января 1857 года Михаил стал рясофорным послушником и был послан на испытание в самый глухой стан миссии — Чулышманский за Телецким озером, где намечалось устройство миссионерского монастыря. Ему представилась возможность познакомиться с самыми отдалёнными районами Горного Алтая, с особенностями быта и обычаями местных племён, их наречиями. Позже, в 1864 году, он станет наместником Чулышманского Благовещенского монастыря, многое сделает для устройства обители, созданной для «распространения евангельского света и духа христианского благочестия между язычниками». Тогда же, по окончании испытательного срока, Михаил вернулся в Улалу на должность учителя в миссионерской школе и катехизатора. Он по-прежнему сопровождал священников-миссионеров в путешествиях по дальним аилам, посещал дома алтайцев для обучения их молитвам, ухаживал за больны-

¹ *Протоиерей Илья Ливанский*. Высокопреосвященнейший Макарий, митрополит Московский, и архимандрит Макарий (Глухарёв) — основатели Алтайской миссии. — Орёл, 1913. С. 11–12.

ми и выполнял всю необходимую физическую работу. Протоиерей Стефан Ландышев, видя, с какой готовностью молодой послушник брался за любую работу, говорил: «Будет из него толк, из помощника моего нового, смотрю на него и Незабвенного вспоминаю — бывало, так же горел, на дело рвался, и всё ему казалось мало... Будущий инок... Помяни меня, преемник будет Незабвенному архимандриту, первому Алтая апостолу».

16 марта 1861 года по ходатайству Преосвященного Порфирия (Соколовского), епископа Томского и Енисейского, Михаил Невский был пострижен в монашество с именем Макарий — в честь преподобного Макария Великого и в память основателя Алтайской миссии, продолжателем подвигов которого он стал. На другой день его рукоположили во иеродиакона, а 19 марта возвели в сан иеромонаха. С этого времени начались труды отца Макария как священника-миссионера. Назначенный в Чемальский стан миссии, он объезжал труднодоступные алтайские айлы, ревностно проповедовал слово Божие на родном для алтайцев языке, стремился насадить в их сердцах семена православной веры. Поначалу евангельская проповедь казалась малоуспешной, но уже спустя два года неустанные труды молодого благовестника дали первые всходы: из тьмы языческого неверия к познанию Христовой истины им было обращено около 50 душ, кочевавших в 25 верстах от Чемала. Для утверждения новокрещёных в православной вере иеромонаху Макарию пришлось даже переселиться в село Чопош (по современной орфографии — Чепош), а затем он вновь вернулся в Чемальский стан.

Первые семь лет служения отца Макария в Алтайской Духовной Миссии были одним из самых трудных периодов его пребывания на Алтае. Позже он не раз говорил о трудностях, в которых совершалось это благовестническое служение алтайскому народу: «Служение миссионерское, как служение апостольское, есть более всего — ряд скорбей, болезней и трудов. Мы не говорим уже о трудностях миссионерских путешествий, которые доводится совершать редко в экипаже, никогда в вагоне, но нередко пешком, на лыжах, часто верхом, на лодке под дождём, иногда в снежную метель. Всё это — болезни и труды для тела. Но есть страдания большие — страдания души. Миссионер — страдалец: он страдает душой в начале служения своего от среды, в которую он попадает, там нет ни родной семьи, ни родного общества, ни привычной для него жизненной обстановки. Затем он страдает за юную паству свою. И это бывает тогда, когда новокрещёные, ещё не утвердившиеся в вере, хромают на оба колена, то стараясь научиться воспринятой ими новой вере, то уклоняясь к старым языческим обычаям... Немалую тугу для миссионера составляет недостаток материальных средств. Одежда у них была

столь убога, что когда они были посылаемы в ближайший город по делам миссии, то городские жители тотчас узнавали явившегося по одежде его, что он из миссии: на подоле ремки, рукава дырявые, сапоги таковы же. Вот миссионер отправляется в путешествие, чем он тогда питается? Утром — чай с сухарями, вечером опять чай с сухарями, иногда в путешествии, для разнообразия, чай с толокном...»¹.

Миссионерские поездки по Алтаю порой сопрягались и с опасностью для жизни. Один из таких случаев описан в журнале «Русский паломник». По соседству с аилом, где отец Макарий совершал богослужение, «часть инородцев возмутилась и пошла в колья на другую». Появились раненые и даже убитые. Многие пытались уговорить его не ходить в то селение, однако он был непреклонен. Появившись среди озверелой толпы, отец Макарий обратился к враждующим со словами увещания. Слова его поначалу не действовали, один из нападавших даже ударил его. «Отец Макарий упал, но быстро поднялся и продолжал говорить. Смелые ясные глаза миссионера, его бесстрашная проповедь покорили обе враждующие стороны. Слишком велика была нравственная сила этого маленького человека, вооружённого любовью к ближним и самоотверженностью. За минуту дикие и полные гнева, алтайцы теперь окружили его, целовали его руки и просили прощения»².

Постепенно молва об отце Макарии распространилась по самым отдалённым районам Горного Алтая, и везде его имя произносилось с великим уважением. Причиной тому — любовь отеческая, самоотверженная, с которой он всегда относился к людям. Недаром за ним на Алтае закрепилось прозвание «Золотое сердце». Позже Н. И. Ильминский писал К. П. Победоносцеву: «Этот Макарий младший принял, чрез ближайшее посредство, миссионерские начала и заветы от первооснователя миссии Макария; потом развивался и созрел при двух преемниках его... Припоминаю записки одного миссионера (напечатанные), где рассказывается, как Преосвященный Макарий говорил поучение тысячной толпе инородцев — и все смолкли и слушали с благоговением и слезами. Он (по словам того очевидца) везде говорил, и если бы всё это

¹ «Архимандрит Макарий (Глухарёв) в отношении к основанной им Алтайской Миссии. Речь, сказанная Макарием, архиепископом Томским и Барнаульским, в годичном собрании С.-Петербургского Комитета Православного Миссионерского Общества 16 мар. 1908 г.» // «Полное собрание проповеднических трудов (слов, бесед, поучений, посланий, воззваний и наставлений) Преосвященного Макария, архиепископа Томского и Алтайского, за все время его служения в архиерейском сане (1884–1910 гг.)» / Собраны под ред. прот. Серафима Путодеева. — Томск, 1910. С. 502–503.

² «50 лет миссионерского подвига. (По поводу 50-летнего юбилея Преосвященного Макария, архиепископа Томского)» // «Русский паломник». 1911. № 16. С. 256.

записать, то вышла бы большая книга. Не есть ли это те *реки воды живы*, о коих сказал Спаситель, что они истекут из чрева не учёного книжника, а искренно верующего?»¹.

Важнейшей частью миссионерского служения отец Макарий считал духовно-нравственное воспитание новокрещёных алтайцев и их детей. Он сам учил детей грамоте, молитвам и церковному пению. По воспоминаниям одного из алтайцев, «когда отец Макарий был у нас миссионером, он в вечернюю пору всегда приходил в нашу юрту со своими научениями. Ребят у нас было много, бывало, он придёт в юрту нашу, нас всех посадит к огоньку и начнёт с нами занятия. Почитает, заставит петь молитвы. Попоём, станет опять учить, как надо крестное знамение творить, как поклоны класть. То опять станет рассказывать, чисты ли ручки у детишек, всё ли опрятно в юрте...»². Отец Макарий постоянно проявлял заботу о здоровье своих пасомых, видя в медицине одно из средств «завоевания сердец и расположения инородцев». Он писал в своих миссионерских записках: «Горе миссионеру, вовсе незнакомому с медициной, но не легче и сколько-нибудь сведущему, но лишённому необходимых средств. Не имея возможности сколько-нибудь облегчить страдания больного, крещёный ли то или некрещёный, напрасно миссионер будет и убеждать его не обращаться к шаманам... Выходящему на поприще апостольское необходимо иметь в одной руке Евангелие, в другой лечебник; то и другое не должно оставлять его ни дома, ни в пути»³. Автору этих строк не раз приходилось собственноручно лечить своих подопечных, промывать их раны, ухаживать за тяжелобольными, напутствовать отходящих в мир иной, утешать их родных. И хотя возможности аптечки отца Макария были скудны, его вера в милосердие Божие была крепка. И эта вера исцеляла больных.

Ещё одной стороной миссионерского служения отца Макария была переводческая деятельность. С самого начала служения в миссии отец Макарий, хорошо освоивший алтайский язык — эту «азбуку миссионерства», — серьёзно занялся переводами. Первые переводы духовно-нравственных сочинений и богослужебных текстов на алтайский язык он начал делать совместно с переводчиком-миссионером Михаилом

¹ Цит. по: «Царю Небесному и царю земному верный. Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий — Невский)» / Сост. Т.Гроян. — М., 1996. С. 257.

² *Павлин Алтайский*. Вечерняя пора (из миссионерской жизни митрополита Макария) // «Православный благовестник». 1915. № 9. С. 241.

³ «Записки миссионера Алтайской Духовной Миссии иеромонаха Макария за 1863 г.» // «Душеполезное чтение». 1864. Ч. 2. № 7. С. 78.

Чевалковым. В своих миссионерских записках за 1861 год отец Макарий писал: «В течение зимы 1860 года переведено нами: 1) „О вере и жизни христианской“ св. Геннадия, Патриарха Константинопольского; 2) Краткая Священная история Нового Завета; 3) сделан опыт перевода Литургии на татарское наречие; 4) переведено несколько молитв и псалмов. Составлены вновь: 1) Огласительные поучения для приемлющих Святое Крещение более пространные, чем прежде составленные о. архим. Макарием; 2) Катехизические поучения на 10 заповедей. <...> Ежедневные занятия мои переводами с Чевалковым продолжались с 1 октября 1860 года до марта 1861 года, то есть до времени вытребования меня в Томск для пострижения в монашество»¹. К сделанным переводам отец Макарий постоянно возвращался, дорабатывал их и принимался за новые. Выбор текста для переводов нередко диктовался богослужебной необходимостью. Так, в миссионерской записке за 1867 год отец Макарий сообщал: «7 июня. Занятие переводом на татарский язык воскресных Евангелий... 8 июня. Переведены на татарский язык ектении, Евангелие, Апостол и молитвы, читаемые на молебне во время бездождия. 9 июня. Переведено Евангелие к будущему воскресному дню и исправлен прежний перевод „Слова на исход души“ Макария Александрийского. 10 июня. Со студентом Завадовским занимался грамматикой»².

С самого начала отец Макарий и его сподвижник М. Чевалков заложили принципы, которым они неуклонно следовали в своей переводческой работе: «Перевод на одно из алтайских наречий (телеутское), но с выбором таких слов и оборотов, которые делали бы переводимое понятным алтайцам, говорящим и на других наречиях; изучение духа и конструкции алтайского языка, его внутреннего и внешнего склада, чтобы перевод воспроизводил в уме инородца те же мысли и чувства и в том же порядке и направлении, в каком русский текст воспроизводит в уме русского; свободное творчество в создании новых слов и в установлении христианской терминологии на алтайском языке, понятном инородцам, и в то же время несколько не напоминающей им прежних образов языческой веры. Переводы на таких основаниях осуществлялись на Алтае впервые»³. Поразительна тщательность и обдуманность, с которыми отец Макарий работал над переводами. Зачастую для того,

¹ «Записки миссионера Алтайской Духовной Миссии иером. Макария за 1861 г.» // «Душеполезное чтение». 1862. Ч. 3. № 11. С. 262, 264.

² «Из Записок алтайского миссионера иером. Макария за декабрь 1866 и за 1867 г.» // «Душеполезное чтение». 1868. Ч. 2. № 8. С. 88–89.

³ Харлампович К.В. Макарий, митрополит Московский и Коломенский (Невский Михаил Андреевич) // «Царю Небесному и царю земному верный...». С. 251.

чтобы подыскать нужное слово, он «отправлялся на несколько недель и даже месяцев в отдалённые захолустья Алтая и только путём долгих и многих бесед с различными инородцами... приходил к принятию и употреблению известного термина»¹.

Для подготовки к печати целого ряда богослужебных книг, переведённых на алтайский язык, а также огласительных поучений, составленных на алтайском языке, отец Макарий совершил поездку в Санкт-Петербург в 1864 году, а затем в 1867–1868 годах. В результате в Синодальной типографии были изданы «Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа», «Беседы готовящемуся к Святому Крещению: об истинном Боге и истинной вере», «Евангелия воскресные (утренние), на двенадцатые праздники и Страстную седмицу», «Последование Часов», «Исповедь», «Евангелия воскресныя, на Литургии чтомья, на наречии алтайских калмыков», «Избранные места из Евангелия» и «Литургия св. Иоанна Златоустого», «Чинопоследование Святого Крещения». В 1868 году увидела свет и первая алтайская азбука под названием «Алтай кижілердін крест балдарын Кутайдын сцзін редер Азбука» («Букварь для обучения детей крещёных алтайских инородцев церковному и гражданскому чтению»), подготовленная иеромонахом Макарием совместно с М.Чевалковым. «Букварь» содержал краткие молитвы на русском и алтайском языках, буквы и цифры для обучения чтению, десять заповедей Божиих, избранные места из Священного Писания, различные исторические сведения, краткий месяцеслов. Позже первая алтайская азбука, переработанная Н.И.Ильминским и снабжённая методическими указаниями, была переиздана в Казани в 1882 году под названием «Алтайский букварь».

С выдающимся учёным лингвистом-тюркологом, переводчиком, просветителем народов Поволжья Н.И.Ильминским (1822–1891) отец Макарий познакомился в первый свой приезд в Санкт-Петербург. С этого времени началось их тесное сотрудничество, продолжавшееся четверть века. Под научным руководством Н.И.Ильминского в 1868–1869 годах отец Макарий работал в Казани над подготовкой к печати краткой грамматики алтайского языка, составленной протоиереем Василием Вербицким. Грамматика, снабжённая русско-алтайским и алтайско-русским словарями, была напечатана в 1869 году в типографии Казанского университета. На её титульном листе значилось: «Составлена членами Алтайской Духовной Миссии». Этим трудом, не утратившим своего научного значения до настоящего времени, было положено прочное основание для дальнейших переводов алтайских мис-

¹ Там же. С. 251–252.

сионеров и для научных грамматик тюркских языков народов России в целом.

Во время своего пребывания в Казани иеромонах Макарий познакомился с тем, как поставлена работа в татарских инородческих школах. Профессором Ильминским была разработана система начального образования, которая предполагала обучение татарских детей на родном для них языке с постепенным введением двуязычного метода преподавания, а также осуществление переводов и издание учебных книг на родных языках и подготовку национального учительства. В ходе знакомства с этой системой алтайский миссионер активно помогал Ильминскому её развивать. Большой знаток церковного пения, он научил мальчиков и девочек Казанской центральной крещёно-татарской школы исполнять хором на родном языке молитвы «Царю Небесный», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся» и другие песнопения. «В Великий пост и Пасху 1869 г. он первый совершал богослужение на инородческом языке, и первый же обучал новопоставленного инородческого священника Василия Тимофеева порядкам службы на татарском и русском языке»¹, положив, таким образом, в Казанской епархии начало богослужений на татарском языке. Труды отца Макария были высоко оценены: советом казанского Братства святого Гурия он был избран пожизненным его членом.

Пробыв в Казани полтора года, отец Макарий в декабре 1869 года увозил на Алтай детальный, проверенный на практике план организации инородческого школьного дела, который он стал успешно внедрять в жизнь. По типу крещёно-татарских школ профессора Ильминского в селе Чопош было устроено училище на 70 человек с общежитием. Обучение грамоте в нём велось по первой алтайской азбуке, которая к этому времени была уже напечатана. Через два года воспитанники Чопошского инородческого училища показали столь успешные результаты, что посетивший училище томский губернатор А. П. Супруненко обратился с ходатайством к министру народного просвещения о награждении отца Макария орденом Святой Анны. В дальнейшем училище начало готовить учителей из крещёных алтайцев, а кроме того, сами ученики стали ездить по окрестным аилам для чтения по-алтайски назидательных книг, проведения бесед и пения молитв.

За миссионерские труды во время пребывания в Казани в 1868–1869 годах по представлению Преосвященного Антония (Амфитеатрова), архиепископа Казанского и Свияжского, 29 декабря 1871 года иеромонах Макарий был возведён в сан игумена. В марте 1875 года игумен Макарий

¹ *Знаменский П.В.* Несколько материалов для истории Алтайской миссии и участия в её делах Н.И.Ильминского. — Казань, 1901. С. 17.

был назначен помощником начальника Алтайской Духовной Миссии. Ему было поручено ежегодно обзирать все миссионерские станы и наблюдать за состоянием школьного дела в миссии. Кроме того, отец Макарий стал заведующим Улалинского центрального миссионерского училища, которое готовило катехизаторов, псаломщиков, учителей для миссионерских школ. С конца 1870-х годов питомцев училища посылали для усовершенствования в науках в Казанскую инородческую учительскую семинарию. Наиболее способных старших учеников отец Макарий привлекал к переводческому делу, результатом чего стало появление целой библиотеки христианской литературы на алтайском языке, как переводной, так и оригинальной. «По рукам появилось много тетрадок с разного рода рассказами, повестями, баснями, нравоучительными статьями. О. Макарий высказывал надежду, что можно надеяться на достойных преемников М. В. Чевалкову, который в поте лица проложил другим дорогу»¹. Самим отцом Макарием в эти годы были переведены и изданы на алтайском языке Учебный Часослов, Правило для готовящихся к Святому Причастию, Требник с дополнениями. Профессор Ильминский советовал ему «спешить с переводом Евангелия, хотя бы только от Матфея». Евангелие от Матфея на алтайском языке было издано в 1878 году в Томске, а в следующем году в Казани тиражом 1200 экземпляров было напечатано Воскресное всенощное бдение на алтайском языке с параллельным церковнославянским текстом.

29 июня 1883 года игумен Макарий был возведён в сан архимандрита, а 29 декабря того же года назначен начальником Алтайской Духовной Миссии, заменив на этом посту епископа Владимира (Петрова). К этому времени архимандрит Макарий имел уже почти 30-летний опыт миссионерской деятельности, о значении которой годом позже он сказал: «Тридцатилетняя жизнь на Алтае была для неопытности моей той академией миссионерства, какую некогда открыть предполагалось в центре России, только там учить миссионерству хотели по книгам, а здесь учительницей была жизнь».

12 февраля 1884 года определением Святейшего Синода архимандрит Макарий был возведён в сан епископа Бийского, викария Томской епархии.

В Бийске епископ Макарий в 1884 году открыл Братство святителя Димитрия Ростовского для обращения старообрядцев в лоно Православной Церкви. Преосвященный не только призывал их к церковному единству в своих проповедях, но и устраивал с ними собеседования, когда

¹ Там же. С. 27.

бывал во время миссионерских поездок во всех значительных старообрядческих поселениях епархии. Епископ Макарий также обличал деятельность ссыльных революционеров, которые оказывали разлагающее влияние на коренных жителей Алтая.

В 1883 – 1884 учебном году Улалинское центральное училище было переведено в Бийск и преобразовано в Бийское миссионерское катехизаторское училище. Лучшие из воспитанников могли быть удостоены священного сана. В училище обучались дети алтайцев, шорцев, абинцев, матурцев, сагайцев и даже остяков Нарымского края.

Даже будучи призванным на архиерейское служение, Владыка Макарий не оставлял переводческой деятельности. Им были напечатаны: «Пение на всенощном бдении и Литургии на алтайском языке, переложенные на цифирные ноты» (1889), Литургия св. Иоанна Златоустого на церковнославянском и алтайском языках (1887), Акафист святому великомученику и целителю Пантелеиму (1889), Правило для готовящихся к святому причащению (1891), Требник, полностью переведённый на алтайский язык (1890), полный перевод Часослова на алтайский язык (1896). Владыкой Макарием был также сделан и напечатан перевод с алтайского на русский язык автобиографического труда протоиерея Михаила Чевалкова «Памятное завещание» (в оригинале «Ундулбас – кеерес»). В связи с изданием этого труда на русском языке К. В. Победоносцев писал Владыке Макарию 17 марта 1895 года: «Премного благодарю Ваше Преосвященство за доставление мне „Памятного завещания Чевалкова“. Правда, я давно обратил на него внимание в немецком тексте у Радлова и дал мысль покойному Н. И. Ильминскому, что необходимо издать его в русском переводе, а Н. И. признал лучшим просить Вас о переводе с алтайского. Наконец оно явилось. Надобно только пожелать, чтобы многие познакомились и оценили его». В 1915 году «Завещание» было переиздано в Москве.

Большое значение Владыка Макарий придавал благотворительной деятельности. Одним из его последних начинаний стало открытие приходских попечительств для оказания помощи нуждающимся жителям Горного Алтая. Первое такое попечительство было открыто в Улалинском отделении Алтайской миссии, потом эта практика распространилась на другие отделения миссии и приходы Бийской епархии.

Частым совершением церковных служб, проповедью слова Божия, личным участием в решении социальных проблем своих пасомых Владыка Макарий «приобрёл известность и любовь среди всех лучших граждан Бийска». Особое влияние на людей оказывала «безыскусственная, проникнутая пастырской ревностью проповедь Владыки, понятная

и для необразованного крестьянина и назидательная для образованного человека»¹.

В должности начальника Алтайской Духовной Миссии Владыка Макарий служил до 1891 года. Под его руководством миссия достигла своего расцвета: число крещёных жителей Алтая увеличилось более чем в два раза и достигло 22800 человек, возросло количество отделений миссии и миссионерских селений. Особым вкладом в дело просвещения народов Алтая стало создание системы школьного образования. К концу 1890 года в Алтайской Духовной Миссии действовало уже 33 миссионерских школы, в которых обучалось около 1 тыс. человек, что почти в два раза больше, чем в 1883 году.

17 января 1891 года по указу Святейшего Синода Преосвященному Макарию, епископу Бийскому, было поручено управление Томской епархией. 26 мая того же года он был утверждён епископом Томским и Семипалатинским. В 1895 году, в связи с учреждением самостоятельной Омской епархии, к которой отошла часть приходов Тобольской и Томской епархий, Владыка Макарий стал именоваться епископом Томским и Барнаульским.

Управляя обширной епархией, Преосвященный Макарий и словом и делом постоянно напоминал духовенству о его «великом призвании к святому делу просвещения русского народа в строгом духе Православной Церкви и на пользу дорогого для всех Отечества». Уже при вступлении в управление епархией епископ Макарий призвал пастырей: «Учите ваших пасомых! Учите всех: старых и малых, учите всякий возраст и пол. Се ныне время благоприятно! Ныне или никогда! Вам, пастыри, всюду отверсты двери слова: и в церкви, и в школе, и в доме, и в городах, и в сёлах, и в деревнях. Учите книгою, учите писанием, учите и словом живым»². В этом воззвании, впоследствии названном программным, Владыка предлагал меры к духовно-нравственному просвещению народа: внебогослужебные беседы, школьное законоучительство, проповедь во время богослужения — то, что он называл учением «книгою, писанием, словом живым».

Развитие системы образования в Томской епархии стало одним из самых насущных вопросов, которые предстояло решать новому архиерее. К 1891 году из 382 приходов епархии в 238 не было школ духовного ведомства, в 178 приходах вне школы оставалось более 63 тыс. детей, в том числе 5,5 тыс. в приходах Томского округа.

¹ «Прибавления к Церковным ведомостям». 1892. № 26. С. 935.

² «Архипастырское послание к пастырям Томской епархии» // «Томские епархиальные ведомости». 1891. № 16. Отд. офиц. С. 2.

Уже 2 сентября 1891 года при Томском архиерейском доме и на его средства была открыта церковно-приходская школа, ставшая образцовой для других школ епархии. Владыка Макарий сам устанавливал в ней учебные программы, определял ежедневный строй жизни, даже написал для школы изложение истории христианского домостроительства и главных догматов о Боге и Святой Церкви. Ежедневно посещая школу, которая со временем разместилась в двухэтажном каменном здании рядом с архиерейским домом, он проверял знания учеников и общее состояние дел. Дети нисколько не смущались высокого гостя, доверчиво беседовали с ним, «обнаруживая иногда наивную, но трогательную близость и простоту обращения».

По архипастырскому совету епископа Макария церковные школы открылись сначала при кафедральном соборе Томска, а потом и при других церквях города. На съезде благочинных Томской епархии Владыка Макарий убеждал их в том, что в каждом селе необходимо открыть подобную школу и употребить все усилия, чтобы школы всегда стояли на должной высоте. Благодаря усилиям Преосвященного Макария Томская епархия заняла первое место среди других сибирских епархий по числу церковных школ. Если при его вступлении в управление епархией в ней было всего 183 церковные школы, в которых обучалось 3780 учеников, то к началу 1911 года число школ возросло до 935 с числом учащихся 45 тыс. человек¹.

Большое значение Владыка придавал и духовно-учебным заведениям. Он внимательно следил за тем, как поставлено в них учебно-воспитательное дело. При нём начали преподавать такие дисциплины, как космографию, естественную историю, химию, гигиену, а также музыку, пение, рисование. Владыка вникал и в материальные нужды духовно-учебных заведений. Так, благодаря его содействию, преподавателям Томского духовного училища было назначено постоянное квартирное пособие и некоторым из них увеличено жалование. Для служащих Томского епархиального училища также было увеличено жалование и учреждён устав о пенсиях. Заботами Владыки было построено новое здание для епархиального училища, нашла наконец приют и Томская Духовная Семинария, размещавшаяся прежде в наёмных квартирах.

Важное место в православном просвещении народа епископ Макарий отводил внебогослужебным беседам. В первый же год его архипастырства почти во всех приходских церквях и духовно-учебных заведениях Томска были введены внебогослужебные религиозно-нрав-

¹ П.М. Высокопреосвященный Макарий, митрополит Московский и Коломенский // «Прибавления к Церковным ведомостям». 1912. № 48–49. С. 1945.

ственные чтения. По предложению Владыки для их проведения был составлен список книг и брошюр религиозно-нравственного содержания. В него также вошли периодические издания: «Странник», «Душеполезное чтение», «Воскресное чтение», «Русский паломник», «Пастырский вестник», «Троицкие листки», «Наставления и утешения святой веры» (издание Андреевского скита на Афоне) и другие. Необходимой принадлежностью внебогослужебных чтений стало пение молитв, церковных песнопений и духовных кантов. Знаток церковного пения, епископ Макарий ввёл в широкое употребление сборники духовных песнопений «Первая Лепта» и «Вторая Лепта», получившие широкое распространение в Алтайской Духовной Миссии и в Бийске.

В первый же год управления епархией Владыка учредил при Томском архиерейском доме бесплатную епархиальную библиотеку, в которой по воскресным дням всем желающим преподавались уроки веры, сообщались исторические и географические сведения, рассказывалось о последних событиях в жизни российского общества. Первым из томских архиереев епископ Макарий положил начало публичным религиозно-нравственным чтениям для интеллигентной публики. Эти чтения проводились по будням в читальном зале архиерейского дома. По понедельникам в комнатах Владыки собирались лекторы для «считки». В 1903 году эти встречи преобразовались в пастырские собрания томского духовенства и преподавателей духовно-учебных заведений. Проходили они чаще всего под председательством Преосвященного Макария.

Неутомимый проповедник, епископ Макарий на все явления в жизни паствы, «подчас жгучего свойства», отзывался своим архиерейским словом. Как писали «Томские епархиальные ведомости», «не в характере епископа Макария намеренно игнорировать какие-либо аномальные явления в жизни, вопреки христианскому долгу, входить в светские компромиссы с кем и с чем бы то ни было. Нет, архиерей высоко держит в своих руках знамя православия, ревностно требует, чтобы в жизни и деятельности все шло под этим спасительным знаменем, чтобы не допускали в себе ни в чём уклонений в сторону от непреложных уставов Православной Церкви и от исторических заветов русского народа»¹. В своих проповедях Владыка Макарий всячески старался противостоять обману «мнимых народников», как он называл представителей либерально-революционных сил общества. «Враждебные православию и стремящиеся разрушить существующий государственный строй партии обольщают народ обещаниями обогатить его: они возбуждают его к грабежу и поджогам. Для своих преступных целей они добывают средства грабе-

¹ «Краткий историко-статистический очерк Томской епархии». С. 25.

жом и иными способами, не одобряемыми ни законом, ни совестью, а тем более Евангелием; способами, допускаемыми разве только среди шаек грабителей», — сказано в знаменитом слове епископа Макария «Опомнимся! Покаемся!». Разделение русского народа на множество раскольнических толков, согласных между собой «только в одном — во вражде к Православной Церкви», воспринималось им как угроза не только православию, но и всему национальному бытию, поскольку православие является, по его мнению, конституирующим признаком принадлежности к русской нации.

Сборники слов, бесед, поучений, речей и воззваний Преосвященного Макария в большом количестве печатались в Томске, выручка от них поступала в пользу Дома трудолюбия. Зачастую эти книжки бесплатно раздавались среди народа. Многие поучения Владыки печатались в «Томских епархиальных ведомостях». В 1910 году в Томске вышло полное собрание проповеднических трудов Преосвященного Макария за время его служения в архиерейском сане (1884 — 1910 гг.), объёмом более 1000 страниц (издание Дома трудолюбия).

Одним из основных направлений деятельности епископа Макария в Томске стала благотворительность. С самого своего вступления на Томскую кафедру он заботился об открытии в епархии церковно-приходских попечительств. Их возникновению способствовали неурожай хлеба в 1891 году и эпидемия холеры 1892 года, смертность во время которой составила до 56% от числа заболевших. В этот период времени множество переселенцев из Поволжья двинулось в Сибирь через Томск в поисках пропитания и жилья. Преосвященный Макарий обратился к духовенству епархии «дружно встать и протянуть руку помощи страждущим: открыть особые помещения для больных (содержание и оказание медицинской помощи), открыть бесплатные столовые, организовать попечительства и сбор пожертвований в пользу этого святого дела»¹.

Несмотря на материальные трудности, духовенство сочло возможным поддержать переселенцев-беженцев. Первое такое попечительство было открыто в Томске 24 сентября 1891 года при Духосошестввенской церкви. В следующем году появились попечительства при Томском кафедральном соборе и при шести приходах томских церквей. В октябре 1892 года Владыка Макарий открыл в стенах Томского Иоанно-Предтеченского женского монастыря «Сиропитательный дом трудолюбия» и сделал первый взнос на него. В это же время был устроен ночлежный дом «для бесприютных пришельцев и жалких скитальцев по городу». При

¹ «Распоряжение Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, епископа Томского» // «Томские епархиальные ведомости». 1892. № 4. Отд. офиц. С. 11.

своей кафедре Преосвященный Макарий основал томское общество попечения о бедных и бездомных «Пчельник», поручив его управление благочестивым женщинам.

По прошествии «тяжёлых годин» неурожая и холерной эпидемии дело церковного попечительства в Томской епархии продолжало расти и крепнуть. В мае 1893 года в приходе томской Христорождественской церкви был открыт первый в Сибири дневной детский приют «Ясли», куда работающие матери могли отдавать своих детей. Сделано это было по инициативе епископа Макария, который «входил во все потребности приюта, в свой счёт снабжал детей даже игрушками»¹. К концу пребывания Владыки на Томской кафедре в Томске было уже 6 приютов для детей, ночлежный дом, 5 богаделен, в том числе одна для лиц духовного звания, 11 церковно-приходских попечительств. По настоянию епископа Макария попечительства постепенно покрыли густой сетью всю епархию — числом более 500. Для объединения их деятельности было создано епархиальное центральное попечительство.

Несмотря на широкую духовно-просветительную и благотворительную деятельность, развёрнутую епископом Макарием в Томской епархии, а также напряжённую работу по управлению самой епархией миссионерские труды по-прежнему оставались одним из главных направлений его деятельности. Владыка состоял председателем Томского комитета Православного Миссионерского Общества, а также председателем Томского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Во главе епархии епископ Макарий продолжил деятельность по привлечению старообрядцев к церковному единству. 21 февраля 1893 года в зале Воскресенского училища он открыл внебогослужебные собеседования со старообрядцами. А 21 сентября того же года перенёс из Бийска в Томск совет Братства святителя Димитрия Ростовского, как орган центрального управления, оставив на прежнем месте отделение совета Братства.

Свой прежний миссионерский способ действия Владыка Макарий распространял теперь на всю Томскую епархию. Не один раз он совершил поездку на север Томской губернии, к осякам Нарымского края. Результатом его первых миссионерских посещений, которые он предпринял ещё будучи начальником Алтайской Духовной Миссии, стали путевые заметки «Инородцы Нарымского края» и «Материалы для изучения языка васьюганских инородцев (остяков) Нарымского края», опубликованные в «Томских епархиальных ведомостях» в 1890 году (№ 8–9, 13). В январе 1896 года Владыка Макарий совершил архипастырскую поездку

¹ «Краткий историко-статистический очерк Томской епархии». С. 12.

в город Нарым, посетив «лежащие на пути туда и обратно сёла, деревни и инородческие юрты, числом около 25»¹. Отправившись в далёкий путь (более 850 вёрст), в сопровождении только двух человек — протодиакона и иподиакона, епископ Макарий взял с собой несколько сотен экземпляров книжек, брошюр и листов религиозно-нравственного содержания для бесплатной раздачи в школах и народу. Везде, где бывал Преосвященный, он осматривал храмы и школы, испытывал учащихся, беседовал с народом, наставлял его «в необходимости воспитывать детей в страхе Божиим, приучать к домашней молитве и обучать грамоте, усердно посещать храм Божий и неопустительно исполнять христианский долг исповеди и Святого Причастия», а также совершал сбор пожертвований на нужды Православного Миссионерского Общества, на ремонт и постройку местных храмов. В инородческих юртах он останавливался «у какого-нибудь крещёного остяка» и вёл беседу с хозяевами и приходившими соседями, учил их молитвам, правильному наложению крестного знамения и пению кратких молитвословий. Повсюду Владыку Макария принимали с большой теплотой, рассказывали о своих нуждах, делились историями из жизни.

Несмотря на чрезвычайную обширность епархии (760 тыс. кв. вёрст) и «отсутствие не только удобных, но подчас хотя бы каких-нибудь путей сообщения... в Томской епархии нет уголка, где бы паства не видала своего архипастыря»², — писали позже «Церковные ведомости». Объезжая южные приходы епархии, Владыка обязательно заезжал в Улалу и родной ему Чемал, где 1 мая 1911 года состоялось торжественное открытие основанной им иноческой женской общины с приютом и школой для детей-сирот. Начальницей общины была духовная дочь Владыки Макария Лидия Тихоновна Михайлова, которую он сам откомандировал из Томска в Алтайскую миссию. На катунском острове близ общины сёстры поставили для Владыки небольшую келлию, в которой он любил уединяться для молитвы.

Переводческая деятельность Владыки Макария, которую он начал во время службы в Алтайской Духовной Миссии, успешно продолжилась и в Томске. В 1900 году под его руководством были напечатаны на алтайском языке Деяния Святых Апостолов и Стихиры Святой Пасхи «Да воскреснет Бог» (с цифирными нотами). В следующем году изданы «Библей-

¹ «Поездка в Нарымский край Преосвященнейшего Макария, епископа Томского и Барнаульского, в январе 1896 года» // «Томские епархиальные ведомости». 1896. № 5. С. 7.

² П.М. Высокопреосвященный Макарий, митрополит Московский и Коломенский... С. 1944.

ские повествования Нового Завета: земная жизнь Господа Иисуса Христа», а также «Простая речь о Боге и великих делах Божиих». Последний труд святителя Макария, составленный им на алтайском языке и переведённый на русский, чувашский, якутский языки, впоследствии выдержал 10 изданий. В 1908 году Владыкой Макарием была начата огромная работа по переводу на алтайский язык всего Четвероевангелия. Спустя два года в типографии Приюта и Дома трудолюбия вышло Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на алтайском языке. Там же в 1913 году вышла Священная история Нового Завета на алтайском наречии.

В 1903 году за «ревностное проповедание слова Божия в церковных и внецерковных беседах с народом и пастырские заботы о благоустройении церковного пения и о преуспевании церковных школ» Преосвященный Макарий был награждён бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. В 1906 году епископ Томский и Барнаульский Макарий «во внимание к засвидетельствованной Святейшим Синодом примерно-ревностной и отлично-полезной для Церкви Божией архипастырской службы» был возведён в сан архиепископа. С учреждением Барнаульского викариатства (октябрь 1908 года) он стал именоваться архиепископом Томским и Алтайским. В 1911 году за «доблестное служение Святой Христовой Церкви, совершаемое свыше пятидесяти лет непрерывно в одной и той же Томской епархии», ознаменованное трудами по просвещению жителей Алтая светом Христова учения и по переводу на их язык священных и богослужебных книг, архиепископу Макарию был пожалован орден святого благоверного великого князя Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

Отеческой заботой о своей пастве Владыка Макарий снискал горячую любовь томичей и жителей других городов епархии. Как отмечали современники, при строго аскетическом образе жизни он отличался «исключительной приветливостью, добротой, простотой и доступностью». «Целый день у него толпится народ, и он никому не отказывает в приёме, напротив, каждого утешит, ободрит, ласково, по-отечески научит, наставит, помолится». «Владыка всегда как бы горит ревностью о спасении каждого христианина. Поэтому всегда и повсюду, в храмах, в домах, на площадях, в вагоне, на пароходе, Владыка говорит о спасении души, научает и утешает».

Дважды — в 1902 и 1908 годах — он был вызываем в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. И там он «обратил на себя внимание народа благоговейным служением, простыми назидательными поучениями и своей добротой. Церковь, где он служил, всегда

была полна народа, и особенно много явилось проститься с ним. По окончании его речи взрыв рыданий огласил церковь. Собралось множество людей всякого звания и для проводов. Прощаясь с Преосвященным, народ целовал его руки, края одежды, многие плакали»¹. Когда к отцу Иоанну Кронштадтскому приезжали сибиряки, он им говорил: «Что вы ко мне ездите, ведь у вас есть свой Макарий, который лучше меня молитвенник»².

В 1912 году в связи с назначением митрополита Московского Владимира (Боговлянского) на кафедру царствующего града Санкт-Петербурга освободилась Московская кафедра. Обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер предложил кандидатуру архиепископа Антония (Храповицкого). Однако государь Николай II, вначале поддержавший его кандидатуру, в конечном итоге принял решение о назначении на Московскую кафедру архиепископа Томского Макария. По свидетельству очевидцев, он почитал его как старца и часто называл его «великим подвижником и праведником», «святым угодником Божиим».

25 ноября 1912 года вышел Высочайший указ Святейшему Синоду, повелевавший архиепископу Томскому и Алтайскому Макарию быть митрополитом Московским и Коломенским, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры священноархимандритом и членом Святейшего Синода. В указе говорилось о более чем полувековом служении Владыки Макария, отмеченном «подвигами ревности по просвещению светом Христова учения инородцев Алтая», и выражалась надежда, что и на новом поприще он будет «ревностным и самоотверженным блюстителем интересов и величия Святой Православной Церкви».

Назначение Владыки Макария, «апостола Алтая», имевшего огромный опыт миссионерского и пастырского служения, на Московскую кафедру воспринималось многими «как сугубая милость Божия к „осуетившейся“ предгрозовой Москве, заражённой всеобщим духовным недугом — внутренним отпадением от Церкви»³. Однако Москва, которая «должна была бы радоваться назначению такого светильника, к сожалению, не познала его, — писал епископ Серпуховской Арсений (Жадановский), близко знавший Владыку и оставивший воспоминания о нём. — Одни говорили: „Какой старый и непредставительный митрополит — не в столице бы ему быть“. Это были голоса лиц несерьёзных, живущих внешними лишь восприятиями. Другие же, глубоко верующие, благонастроенные люди, усмотрели в новом архипастыре незаурядного иерарха:

¹ Харлампович К.В. Макарий, митрополит Московский и Коломенский... С. 260.

² Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1. — М., 2015. С. 166.

³ «Царю небесному и царю земному верный...». С. XXXII.

вид его был не просто архиерея, а поистине Ангела Церкви, представителя её, одухотворённого благодатью Господней. Он воскресал собой образ древних наших святителей — Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, свято поживших на земле»¹.

Призванный на святительскую кафедру Первопрестольного града Москвы митрополит Макарий особое внимание уделял духовному просвещению русских людей. Он стал вводить в храмах общенародное пение, в свободное время рекомендовал распевать духовные канты, для чего им были изданы в большом количестве оба сборника «Лепты». Издавались также его беседы и поучения, отличавшиеся простотой и доступностью. Москвичи в большом количестве собирались в храмы, где служил митрополит Макарий, и с охотой слушали его наставления. Владыка часто сопровождал свои богослужения катехизацией народа в форме вопросов и ответов. Ярким примером служила его поездка на родину, в село Шапкино Владимирской губернии, в сентябре 1913 года. Как писали «Московские церковные ведомости», после Божественной Литургии, которую митрополит Макарий отслужил в уездном Коврове, он вышел к народу, собравшемуся перед церковью, и «стал учить его в форме вопросов как веровать, жить и молиться. Много раз повторял вопрос, пока все, наконец, могли ответить правильно. И на все вопросы просил отвечать всех. Часто отвечали правильно, а когда ответ был неправильный, тогда сам архипастырь давал правильный ответ и объяснение этого ответа, а ему потом все повторяли сказанное. Такая беседа по-видимому очень понравилась слушателям»².

И других пастырей митрополит Макарий призывал вести при богослужениях катехизацию народа, однако мало кто внимал его призывам, хотя, как видно, уже первые уроки обнаружили у многих людей плохое знание основ веры. Как архипастырь, Владыка Макарий считал своей задачей учить не только мирян, но и пастырей, следил за тем, как совершаются богослужения, устраивал по благочиниям собрания, на которых «старался по-апостольски наставлять подчинённых ему священнослужителей в благочестии, сам во всём являясь поистине образцом для верных... первый показывал пример благоговейного совершения церковной службы и был носителем страха Божия, утраченного в наш век»³. У некоторых эти наставления вызывали ропот, не всем нравилось его простое

¹ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 196.

² «Его Высокопреосвященство митрополит Московский и Коломенский Макарий у себя на родине» // «Московские церковные ведомости». 1913. № 40. С. 815.

³ *Арсений (Жадановский), еп.* Митрополит Макарий // «Царю Небесному и царю земному верный...». С. 274.

учительство. «Самолюбивые не выдерживали, начинали возмущаться и укорять святителя <...> Гордые, самообольщённые своим образованием современники не оценили просветительной деятельности митрополита Макария»¹.

В 1913 году либеральная пресса начала кампанию против московского митрополита, обвинив его «задним числом» в благословении уличных беспорядков, произошедших в Томске в 1905 году (так называемых «погромов»). На самом же деле Владыка Макарий не только не благословлял народ на беспорядки и грабежи, но и принимал все зависящие от него меры, «чтобы отклонить его от такого дела, противного заповеди Христовой и позорящего имя христианское»². Один, без сопровождающих, он отправился к толпе народа и пытался остановить её увещаниями, но его не послушали. Ряд публикаций в правой прессе, приводящих подлинные свидетельства очевидцев о томских событиях 1905 года, однако, не смогли переменить негативного отношения либеральной общественности к московскому митрополиту. Как он сам писал ранее, «и устным и печатным словом они уничтожают и позорят пастырей. Подбором, а иногда выдумкой... стараются возбудить чрез это недоверие в пасомых к своим пастырям... чтобы удобнее было производить смуту церковную и народную — государственную»³.

Находясь в Москве, митрополит Макарий не оставлял забот о духовных чадах далёкого Алтая, прилагая всё попечение о возможном удовлетворении их духовных нужд. Будучи председателем Православного Миссионерского Общества, он заботился не только об Алтайской миссии, но и обо всех миссиях Русской Православной Церкви. На посту председателя митрополит Макарий много сделал для активизации деятельности общества, укрепления его связи с церковно-общественной жизнью.

Накануне войны, в 1914 году, торжественно отмечались два юбилея: 30 лет со дня рукоположения митрополита Макария в святительский сан и 60 лет его служения Святой Церкви. Высочайшим рескриптом от 6 мая 1914 года «в воздаяние долголетнего плодотворного и высоко полезного святительского служения» ему была пожалована редкая награда — крест для предношения при священнослужении. Позднее он был также награждён орденом святого князя Владимира I степени. Уклонившись

¹ Там же. С. 272, 274.

² Письмо еп. Макария к А.М.Первушину от 14 нояб. 1905 г. // НИОР РГБ. Ф. 259. Русское Слово. К. 25. Ед. 45.

³ Воззвание «Объединимся!» // *Святитель Макарий (Невский), митр.* Единое на потребу... Т. 4. С. 224.

от чествования своего юбилея в Москве, Владыка летом 1914 года «выехал в отпуск на Алтай, где полагал начало своему служению и где в память его 60-летнего служения почитателями Владыки сооружён храм, который был освящён лично Высокопр. Макарием»¹. Новый деревянный храм в честь иконы «Всех скорбящих радость» в Чемальской женской общине Владыка освятил 15 июля. В Чемале митрополита Макария застала весть о начале войны. 27 июля он произнёс слово, в котором отметил: «Враг силён, но не в силе Бог, а в правде. Да будет же с нами правда, чтобы и Бог пребыл с нами»². В Димитриевском храме Барнаула Владыка отслужил молебен, после которого раздавал образки и брошюры призванным на войну запасным солдатам, находившимся в храме.

По случаю военного времени он поспешил в Москву. 23 августа перед молебном за дарование победы русскому воинству он произнёс речь, в которой сказал: «Угрожавшие нам опасности от могущих быть неудач войны вызвали, как некогда в ниневитянах, чувство покаяния и обращение к Богу во всех сословиях, от верха до низу. Прекратились раздоры, закрылись капища, где приносились народом жертвы богу пьянства... Народ стал прибегать с молитвами в храмы Божии. Повсюду видно отрезвление, благонравие, благочестие. Повсюду готовность жертвовать всем на раненых воинов, осиротелые их семейства»³.

По предложению митрополита Макария 3 сентября 1914 года был образован Московский епархиальный комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам, почётным председателем которого он стал. Владыка сам неоднократно посещал лазареты и военные госпитали, обходил палаты, раздавал книги религиозно-нравственного содержания, беседовал с воинами, ободрял и утешал их. «Ласковое обращение Владыки оставило на больных неизгладимый след»⁴, — писала пресса после посещения им военного лазарета в сентябре 1914 года. 19 октября того же года состоялось торжественное освящение лазарета для раненых и приюта для увечных воинов, а затем закладка дома призрения для воинов, потерявших трудоспособность, и больницы. После совершения молебна первый камень в основание дома призрения заложил митрополит Макарий, второй — великая княгиня Елизавета Фёдоровна.

От Московской епархии в действующую армию отправлялись листки и брошюры религиозно-нравственного содержания, посылки с тёплыми

¹ «Московские церковные ведомости». 1914. № 28. С. 532.

² «Московские церковные ведомости». 1914. № 33. С. 613.

³ Святитель Макарий (Невский), митр. Единое на потребу... Т. 4. С. 203.

⁴ «Московские церковные ведомости». 1914. № 39. С. 772.

вещами. «У меня нет слов выразить ту радость и признательность, с которыми приняты они чинами армии»¹, — писал в письме к митрополиту Макарию командующий 1-й армией генерал А. И. Литвинов. За молитвы о ниспослании помощи Божией, благословение иконой святителя Николая Чудотворца и подарки для воинов в Галиции митрополита Макария и духовенство Московской епархии благодарил в своём письме и генерал-адъютант Н. И. Иванов. Он писал: «Просим и впредь святых молитв ваших... о даровании нам победы над исконным и жестоким врагом русского народа и о том, чтобы милосердный Господь Бог не допустил из-за наших ошибок и недостатков пострадать тому святому делу, к которому Он ныне нас призвал»².

В последние годы своего архипастырского служения, несмотря на возраст и болезни, митрополит Макарий проявил себя поистине неутомимым и самоотверженным тружеником, регулярно совершая поездки по епархии. Так, в начале мая 1916 года Владыка Макарий совершил пастырско-миссионерскую поездку в Дмитровский уезд Московской губернии. Никаких распоряжений накануне сделано не было, об этой поездке никто не знал. «Я приехал к вам не ревизовать вас, отцы и братия, — говорил Владыка собиравшимся к нему пастырям, — не судить, а подумать сообща, как нам жизненное провести реформу прихода и приходской жизни. Всем нам должно крепко подумать, как строить наши духовные дела»³. В квартире настоятеля Дмитровского Успенского собора московский митрополит провёл братское пастырское совещание о мерах и способах проведения в жизнь определения Святейшего Синода от 8 февраля 1916 года по вопросу о реформе приходской жизни. «Пастырское совещание произвело на всех весьма приятное впечатление: живой обмен мыслей, свободное обсуждение всех больших вопросов приходской жизни, наконец и самый интерес темы всех увлёк и объединил»⁴. 6—9 мая Владыка Макарий посетил Иосифовский Волоколамский монастырь и город Волоколамск, а 17—22 мая совершил архипастырскую поездку в Звенигородский уезд Московской губернии. «Служение Владыки как пример неутомимости, терпения в молитве и бодрости духа, соборность этих служений, общее пение, частое проповедание самого Владыки, доступность для понимания его речи, многолюдность собиравшихся на его служения богомольцев — всё это оставило сильное впечат-

¹ Там же. 1915. № 5. С. 78.

² Там же. 1915. № 6. С. 94.

³ «Московские церковные ведомости». 1916. № 22. С. 314.

⁴ Там же. С. 317.

ление и на участников его служений и на всех присутствовавших за ними»¹.

В июне 1916 года митрополит Московский и Коломенский Макарий возглавил в Тобольске торжественное прославление святителя Иоанна, митрополита Тобольского и Сибирского. Это была последняя канонизация в Синодальный период. Вечером 8 июня, после заупокойной службы, он вместе с архипастырями совершил омовение мощей, возложение нового облачения и митры, положение святых мощей в серебряный ковчег и в новый кипарисовый гроб наподобие того, в котором почивает Святейший Патриарх Ермоген в Успенском соборе. И ковчег, и гроб были изготовлены на пожертвования москвичей и привезены в Тобольск Владыкой Макарием. 10 июня он совершил Литургию в Софийско-Успенском соборе Тобольска; на время службы мощи были внесены в алтарь и поставлены на горнем месте. По окончании Литургии митрополит Макарий, обращаясь к 50 тысячам богомольцев, собравшимся на площади перед собором, сказал: «Ныне исполняется давнее желание и ожидание обитателей града сего и всея сибирския страны. Днесь светло красуется град Тобольск, древняя митрополия святителей, здесь почивающих»². Из ставки Верховного Главнокомандующего 11 июня в Тобольск была послана телеграмма от государя Николая II: «Сердцем и душою был сегодня в молитвенном единении со всеми присутствовавшими на светлом торжестве прославления Святителя Иоанна Максимова; твёрдо уповаю на молитвы его о спасении Руси православной и о помощи свыше доблестному воинству нашему»³.

По окончании торжеств Владыка Макарий отправился в миссионерскую поездку на восток, в последний раз посетив ставший для него родным Алтай. В Чемальской миссионерской церкви он сказал слово о помощи семейным алтайцам, ушедшим на поле брани для тыловых работ⁴. В Троице-Сергиеву Лавру Владыка Макарий возвратился в день Успения Божией Матери. Не отдохнув от продолжительной поездки, он принял участие в празднествах, совершаемых ежегодно в скиту 16–17 августа⁵.

8 ноября 1916 года митрополит Макарий отбыл в Петроград для участия в зимней сессии Святейшего Синода. Там его застали февральские революционные события 1917 года. 24 февраля его карета «была застигнута на Невском толпою хулиганов, не желавших её пропустить на

¹ Там же. 1916. № 23–24. С. 347.

² Цит. по кн.: *Прот. И. Восторгов*. Тобольские торжества. М., 1916. С. 17.

³ Там же. С. 19.

⁴ «Московские церковные ведомости». 1916. № 33–34. С. 484.

⁵ Там же. С. 474.

Сенатскую площадь; но подоспевшая полиция разогнала толпу, и он благополучно доехал в Синод»¹. Образованное Временное правительство назначило нового обер-прокурора Синода — В.Н.Львова, впоследствии активно участвовавшего в движении обновленцев. По словам митрополита Евлогия (Георгиевского), на посту обер-прокурора Львов «держался диктатором и переуволнил немало архиереев».

Новый обер-прокурор явился с охраной в покои митрополита Московского Макария, «с неприличными окриками и с угрозами» принудил его написать прошение об уходе на покой. Однако в заседании 9—13 марта Святейший Синод посчитал действия В.Н.Львова «неканоническими и незакономерными» и вернул прошение митрополиту Макарию как сделанное под давлением. Тогда В.Н.Львов отправился в Москву и стал там всячески агитировать против Владыки, не гнушаясь сплетнями и заведомо ложными обвинениями. Он организовал депутацию от московского духовенства и мирян, которая выдвинула против митрополита Макария обвинения в том, что он якобы «по старости лет не в состоянии уже управлять епархией... по простоте произносимых им учений и вообще по образованию не подходит к такому учёному центру, как Москва»². Определением Святейшего Правительствующего Синода № 1661 от 20 марта 1917 года митрополит Московский Макарий был уволен на покой. Как писал сам Владыка, «дело состоялось так быстро, что ни я, ни, вероятно, члены Св. Синода не успели справиться с Правилами канонов, в которых постановлено: рукописания отречения от управления, вынужденные у епископа страхом или угрозами, недействительны (Кирилла Прав. 1.13)»³.

Местом пребывания Владыки был определён Николо-Угрешский монастырь, расположенный в 18 верстах от Москвы (ныне г. Дзержинский). «Окружной дорогой повезли Святителя на ближайшую к Угреше станцию, не дав ему даже возможности заехать в Москву и проститься с московской паствой. Выслана была одна лошадь с весьма грязным экипажем, в котором и перевезли Владыку на место заточения»⁴. Он поселился в небольшом архиерейском доме, где была «крошечная домовая церковь» во имя преподобного Сергия Радонежского. В монастыре митрополит Макарий прожил почти до самой кончины, подписывая свои письма как «угрешский заточник».

¹ «Царю Небесному и царю земному верный...». С. CLXVI.

² *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 202.

³ *Митр. Макарий.* Мой ответ В.Н.Львову // «Московские ведомости». 21 июня 1917 г. № 131.

⁴ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 209.

15 августа 1917 года в Москве открылся Священный Собор Православной Российской Церкви. Митрополит Макарий радовался избранию Святейшего Патриарха, просил разрешения участвовать в заседаниях миссионерского отдела Поместного Собора, где мог бы своим многолетним опытом оказать большую пользу. Однако он смог побывать на Соборе «лишь раз или два по праву простого епископа... и тут же ему дали понять, что его присутствие нежелательно»¹. Незадолго до этого Владыка с горечью признавался в письме епископу Арсению (Жадановскому): «Тяжело мне! Помолитесь. Верят всякой клевете на меня и согласно таковой поступают со мной, никуда меня не выпускают, чуждаются меня, как опального»². Дело митрополита Макария, впрочем, разбиралось по его просьбе на закрытом заседании Судной комиссии, созданной Совецанием епископов. По настойчивому ходатайству сибирских архипастырей ему было вынесено полное оправдание, но об этом не было объявлено всецерковно и лишь негласно сообщено ему одному.

Летом 1918 году в Николо-Угрешском монастыре начались первые реквизиции. Попытка изъять монастырских лошадей привела к бунту крестьян окрестных деревень, которые шли в церковь на праздник — день памяти пророка Божия Илии. В обитель был направлен вооружённый отряд, который изъяс церковные ценности, провёл обыск в покоях митрополита Макария и арестовал настоятеля монастыря архимандрита Макария (Ятрова). Как сообщала газета «Известия» ВЦИК от 8 августа (н. ст.) 1918 года, во время обыска в покоях митрополита Макария было «обнаружено много документов, свидетельствующих о его контрреволюционной деятельности»: воззвание к православному русскому народу по поводу гибели Николая II, проект создания Союза приходских общин, воззвание к народу по поводу дня памяти Патриарха Ермогена, в котором народ призывался «восстать на защиту Святой Церкви от насилия большевиков» и другие. Осенью, 20 октября 1918 года, был проведён повторный обыск в покоях Владыки. В ходе него были изъяты ценные документы, в том числе дневники за 1915 — 1917 годы, переписка, разные заметки и отчёты. А незадолго до этого, вечером 3 октября, на Владыку Макария было совершено нападение вооружённых людей, которые ворвались в покои и, угрожая оружием, стали требовать денег. Обыскав покои и ничего не найдя, они сорвали крестик со скуфьи, бывшей на голове архиерея, затем, надев на себя облачение и митру, издевались над Владыкой. Уходя, забрали митру с дорогим крестом, две ценные пангии, наперсный крест. Как писал епископ Арсений, келейник Владыки спустя

¹ Там же. С. 210.

² Там же. С. 217.

некоторое время встретил одного из нападавших на улице, который просил передать, что ему очень стыдно за то, как они тогда поступили, и он просит прощения. Когда митрополиту Макарию передали эти слова, он перекрестился и сказал: «Слава Богу, совесть заговорила, я давно всё им простил»¹.

События последнего времени, и особенно нападение бандитов, значительно ухудшили здоровье митрополита Макария. Наступившие зимние холода осложнили и без того непростые условия жизни в монастыре. Пешеходные сообщения с ближайшей железнодорожной и почтовой станциями стали затруднительны. К тому же действовало запрещение на вывоз из Москвы продуктов и приём к отправлению продуктовых посылок, что лишало возможности благотворителям доставлять продукты в обитель. По воспоминаниям игумении Иулиании (Невакович), старшей сестры Храма Христа Спасителя, зимой 1919 года к столику сестёр Храма подошёл молодой человек и обратился с просьбой помочь митрополиту Макарию, который, по его словам, жил, парализный, в нетопленных комнатах бывшего архиерейского дома Угрешского монастыря с двумя преданными ему келейниками. Не имея права на продовольственные карточки, все трое голодали². С большим трудом в Угрешу стали доставлять продукты из Москвы — чёрный хлеб и пшено. Молодые люди из иподиаконов Храма Христа Спасителя по очереди с прихожанами общины отца Алексея Мечёва пешком ходили в монастырь. Оттуда они возвращались, как писала игумения Иулиания, «в восторге от митрополита, которого возили в кресле... Привыкший вести молодёжь в Томске, откуда вышло много архипастырей и пастырей для Сибири, у Владыки был особенный дар привлекать к себе молодёжь»³. Не оставили своей помощью Владыку и местные жители, особенно серпуховцы. Трогательным, глубоко назидательным и поучительным называет епископ Арсений отношение митрополита Макария к своим благодетелям: «Самые незначительные дары он принимал лично, тут же благословляя приносящих, благодарил их и усердно о них молился», его синодик был испещрён именами живых и умерших, которых он поминал за ежедневной Божественной Литургией и в частной молитве⁴.

Многие духовные люди навещали Владыку Макария и относились к нему как к святому. Так, протоиерей Сергей Мечёв, совершавший

¹ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 211.

² *Иулиания (Невакович), игум.* Из воспоминаний. Митрополит Московский Макарий // «Русский пастырь». 2000. № 37–38. С. 155.

³ Там же.

⁴ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 214.

летом 1923 и 1924 годов с многочисленной паствой паломнические поездки в Угрешу, говорил своим спутникам, что им «предстоит увидеть живого русского святого»¹.

С особой теплотой старец-митрополит принимал детей из колонии Наркомфина, открывшейся в Николо-Угрешском монастыре в 1918 году. Несмотря на все запреты и угрозы, дети бегали к митрополиту благословляться, веря в то, что благословение митрополита помогает во всех затруднениях. Начальница колонии О.С. Дефендева (в тайном постриге — монахиня Серафима), по усердию служившая митрополиту Макарию до самой его смерти, так описывала эти посещения: «Дети очень любили старца и не боялись его: например, трёхлетние малютки говорили ему стишки и льнули к нему своей ангельской душой. Всё первое, лучшее дети несли Владыке: цветочек, травку, даже снежинку. Птичка, свечка, котёнок — всё перебивало у него на коленях, и он ласкал Божие создание своей святительской рукой». Дети, по её мнению, «первые внесли некоторую отраду в жизнь нашего заточника, который среди них отдыхал душой»².

22 августа 1920 года по предложению Святейшего Патриарха Тихона митрополиту Макарию во внимание к его 50-летним трудам на Алтае был пожизненно присвоен титул митрополита Алтайского. «Тоскую по Алтаю, — писал митрополит Макарий в сентябре 1919 года, — хотя и там теперь не то, что было. И там началось разрушение. Никаких вестей оттуда не получаем, как из могилы»³. Большим утешением для Владыки стал приезд в 1924 году архиепископа Бийского Иннокентия (Соколова), прослужившего в Алтайской миссии 53 года. Выпущенный из заключения в Бутырской тюрьме без права выезда из Москвы, он поселился в Николо-Угрешском монастыре, став постоянным собеседником митрополита, помощником в богослужении и в управлении делами Алтайской миссии. В Угрешу приехала и чемальская игумения Людмила. Вместе они иногда совершали службу на алтайском языке. «Алтай, дорогой, родной Алтай!» — говорил нередко старец. Из Николо-Угрешского монастыря Владыка Макарий управлял алтайской паствой и делами миссии: рассматривал бумаги, хиротонисал епископов. «Надо было видеть, с каким чувством возлагал он свои святительские руки на головы хиротонисуемых для Сибири епископов: Ник., Серг., Хрис. — чтобы понять всю любовь

¹ *Апушкин К.К.* Памяти митрополита Московского и Алтайского Макария // «Царю Небесному и царю земному...». С. 343.

² *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 216.

³ *Арсений (Жадановский), еп.* Митрополит Макарий // «Царю Небесному и царю земному верный...». С. 307.

и привязанность его к своему, ничем не заменимому Алтаю!»¹. Остаток своего жизненного пути митрополит Макарий желал бы провести на дорогой его сердцу Алтайской земле, однако обстоятельства сложились так, что ему пришлось остаться в Угреше.

Продолжая жить в монастыре, Владыка Макарий вёл аскетичную монашескую жизнь, проводя дни в трудах и молитве. Вставал он рано и ещё до обедни работал: «делал переводы с алтайского на русский язык из книги Радлова, составлял и пересматривал проповеди, готовил запричастное чтение»². Никогда Владыка не пропускал службы в домовый церкви, в которой ежедневно служили всенощную и обедню. Парализованный, он сидел в кресле, которое подкатывали в алтарь. Как он говорил О.С. Дефендовой, «я молюсь и не за себя скорблю — я грешный человек и достоин всякого наказания, — а за Русь, за Церковь Православную, за всех скорблю!»³. Однажды Владыке было видение во сне, которое он записал: «Виделся пришедший ко мне Спаситель в человеческом виде, держащий в руке хартию, — как бы свидетельство, даваемое Им мне. Содержание почти забыто, но для души моей оно было отраднo. Суть его заключалось в том, что всё совершающееся со мной Ему ведомо, допущено для моего же блага. По пробуждении чувствовал отраду».

21 августа 1924 года для совершения всенощного бдения под праздник явления иконы святителя Николая в Николо-Угрешский монастырь прибыл Святейший Патриарх Тихон. В этот день в архиерейских палатах обители состоялось свидание Святейшего с бывшим митрополитом Московским Макарием. С участниками этой встречи был сделан фотографический снимок. Навещал митрополита Макария и преемник Патриарха Тихона Патриарший Местоблюститель митр. Крутицкий Пётр (Полянский). Об этом упоминает епископ Арсений: «Не раз навещал больного архипастыря и митрополит Пётр, который, сделавшись Патриаршим Местоблюстителем, почёл непременно́м долгом побывать у старца и испросить благословение на новое, в высшей степени ответственное своё служение»⁴.

С 1925 года, после закрытия Николо-Угрешского монастыря, старец-митрополит жил в близлежащем селе Котельники рядом с Люберцами, где и скончался от воспаления легких 16 февраля 1926 года на 91-м году жизни.

¹ Там же.

² Там же. С. 307.

³ *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. С. 236.

⁴ Там же. С. 239.

Три игумена, одним из которых был келейник святителя Аркадий, облачили тело. Литургию и отпевание в церкви села Котельники 19 февраля 1926 года возглавил архиепископ Бийский Иннокентий (Соколов). Всего же в последний путь апостола Алтая провожало 7 архиереев и 79 священнослужителей. Похоронен он был в ограде церкви села Котельники. В тот же день весть о смерти Владыки Макария долетела до Томска. Утром 19 февраля на протяжении трёх часов над городом раздавались удары в большой соборный колокол, перемежавшиеся ударами в било. Томичи устремлялись в собор и, узнав о кончине Владыки Макария, все оставались молитвенно почитать своего Святителя.

В 1957 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) благословил перенести честные останки митрополита Макария в Троице-Сергиеву Лавру. В апреле они были освидетельствованы представителями Московской Патриархии: оказалось, что гроб истлел, а тело и облачение остались целыми. О нетлении мощей святителя Макария свидетельствовал камчатский миссионер митрополит Нестор (Анисимов). Святые останки были перенесены в Лавру и захоронены в крипте Успенского собора. В 1988 году в крипте был устроен престол в честь Всех святых, в земле Российской просиявших.

В 2000 году Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви митрополит Макарий (Невский), «занимавший с 1912 по 1917 год Московскую кафедру, ревностный миссионер, просветитель Алтайского края, молитвенник и аскет, обильно благодатствованный дарами Святого Духа», был прославлен в лике святых.

13 мая 2002 года во временно устроенном храме Свято-Макарьевского Покровского монастыря в городе Бийске начала мироточить икона святителя Макария (Невского), где он изображён держащим в левой руке макет Покровского храма¹. 1 октября 2009 года на Архиерейском подворье в Бийске епископ Алтайский и Барнаульский Максим освятил бронзовый памятник святителю Макарию (Невскому), который создал скульптор Сергей Исаков. Торжество было приурочено к 140-летию открытия барнаульских духовных школ и 15-летию возрождения Алтайской епархии².

По благословению Святейшего Патриарха Алексия II Новосибирскому Православному Богословскому Институту в 2004 году присвоено наименование «Свято-Макарьевский» — в честь святителя Макария (Невского), митрополита Алтайского. 23 июня 2012 года в Дзержинском

¹ Лушников А. Бийск православный // «Алтайская правда». 11 мая 2005 г.

² Муравлёв А. Негасимая свеча // «Алтайская правда». 3 окт. 2009 г.

районе Новосибирска митрополит Новосибирский и Бердский Тихон (Емельянов) совершил освящение закладного камня на месте строительства храма во имя святителя Макария, митрополита Московского и Коломенского, просветителя Алтая.

8 мая 2003 года в городе Дзержинский Московской области на площади Дмитрия Донского, основателя Николо-Угрешского монастыря, заместителем обители архимандритом Вениамином, впоследствии епископом Люберецким, была освящена приходская церковь в честь святителя Макария, митрополита Московского и Коломенского.

6 июня 2011 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла были вновь обретены честные мощи святителя Макария, почивавшие в крипте под Успенским собором Троице-Сергиевой Лавры. В комиссию по обретению и освидетельствованию святых мощей входили и представители Томской епархии. «Когда гробница была вскрыта, а мощи подняты из могилы, то весь подземный храм наполнился дивным благоуханием, а все присутствующие реально ощутили живое присутствие угодника Божия среди нас», — свидетельствовал архиепископ Томский и Асиновский Ростислав¹. В ответ на его ходатайство Святейший Патриарх Кирилл благословил часть святых мощей — десницу святого — передать для постоянного пребывания в Томской епархии. 27 октября 2011 года в Богоявленском кафедральном соборе города Томска состоялась торжественная встреча ковчега с мощами святителя Макария.

31 августа 2016 года совершилось перенесение мощей святителя Макария из Успенского собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Горно-Алтайск. Святыню сопровождал Святейший Патриарх Кирилл. В ходе визита в Горно-Алтайск он совершил закладку кафедрального собора Горноалтайской епархии в честь Всемиловитого Спаса, в котором будут почивать святые мощи «апостола Алтая». До окончания строительства они будут находиться в храме в честь преподобного Макария (Глухарёва).

+ + +

Тропарь, глас 4

Божественныя вѣры проповѣданиемъ, / зѣмлю Сибирскую озарилъ еси, /
теплоту и светъ Христовъ источая, / ко Христу многія люди привелъ еси, /

¹ «Послание Высокопреосвященнейшего Ростислава, архиепископа Томского и Асиновского, по поводу принесения в Томскую епархию честных мощей святителя и чудотворца Макария» // «Томские епархиальные ведомости». 2011. № 7 (156). С. 2.

первопрестольному граду Москвѣ и всея Россіи преславное украшение явился еси, / апостольским деянием ревнѹя, / созидал еси Церковь Христоу, / пастырю наш добрый святителю Макарие, // моли Христа Бога спастися всем нам.

+ + +

Память святителя Макария празднуется:

16 февраля (1 марта) — в день преставления святого (†1926);

в воскресенье перед 26 августа (8 сентября) — в Соборе Московских святых;

в первое воскресенье после 7 (20) сентября — в Соборе Алтайских святых;

5 (18) октября — в Соборе Московских святителей.

Священномученики Иннокентий и Николай, пресвитеры Новосибирские

Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше.

Ин. 15, 20

Великие гонения на Церковь Христову, на верующих во Христа, Бога нашего, разразились в России в XX веке. Воинствующее богоборчество явилось основной движущей силой братоубийственного переворота 1917 года, а за переворотом последовало 70-летнее гонение на Русскую Православную Церковь и на верных вере отцов своих православных христиан России.

Были годы, когда гонения ослабевали, но бывали и такие страшные периоды, когда воинствующие атеисты публично обещали стереть веру православную с лица России. Так, в 1930-е годы была объявлена «безбожная пятилетка», задачей которой ставилось полное истребление храмов Божиих и монастырей, а главной целью — достижение того, чтобы граждане нашей страны даже не произносили имя Божие.

С 1930 года Новосибирск стал центром всего Сибирского края, а значит, и местом, где с наибольшей силой велась антирелигиозная пропаганда и куда чаще всего для суда, пыток и расстрелов привозили страдальцев. В Сибири приняло мученическую кончину множество право-

славных христиан не только из числа священнослужителей, монахов, церковных старост и прихожан сибирских приходов, но также из числа жителей Центральной России и окраин нашей страны. Поэтому Сибирь и именуется Российской Голгофой — местом жертвенной смерти за веру во Христа многих тысяч православных христиан нашей необъятной страны.

Чаще всего российским новомученикам и исповедникам вменялась в вину политическая неблагонадёжность. Их обвиняли в контрреволюционной деятельности: в подрывной работе против «молодой советской республики», в подготовке восстаний против новой власти, в руководстве контрреволюционными организациями, в противодействии мероприятиям советского правительства, в сотрудничестве с колчаковцами, в уклонении от налогов и в других «страшных преступлениях».

Самые лютые гонения на веру отцов наступили в 1937 году. Тогда и пострадали за Христа священномученики Николай и Иннокентий, пресвитеры Новосибирские, ныне прославляемые в лике всех святых новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Протоиерей Николай Ермолов родился в 1874 году в селе Секретарка Бугульминского уезда Самарской губернии в семье псаломщика. Он окончил Самарскую духовную семинарию и в 1900 году стал священником, служил в Уфимской губернии, в селе Байки Бирского уезда. Вместе с отступавшей армией Колчака отец Николай отправился в Сибирь, где жил его брат.

В 1920 году он был определён на служение в храм села Доронино Барнаульского уезда. В том же году в районе села Кольвань, в ста сорока километрах от села Доронино, началось восстание, направленное против страшного насилия большевиков. И хотя священник Николай Ермолов в этом восстании участия не принимал и даже не знал о нём, всё-таки он был арестован по нелепому обвинению в причастности к этому восстанию. Во всё время ареста он был болен, находился в больнице и впоследствии без допроса был освобождён.

В 1924 году отец Николай был назначен настоятелем Никольской церкви села Ордынского Ново-Николаевской епархии. В этом храме отец Николай прослужил до самой своей мученической кончины.

В 1928 году он был удостоен сана протоиерея. Это было время, когда многие священники ушли в обновленческий раскол, и крестьяне были рады появлению человека, оставшегося верным Святейшему Патриарху Тихону.

Второй раз отец Николай был арестован якобы за неуплату налогов. В 1933 году Ордынским сельсоветом на отца Николая был наложен налог: он должен был в трёхдневный срок сдать государству 100 килограммов мяса. Непосильный налог очень часто становился предлогом для того, чтобы лишить священника права совершать богослужение в церкви, для его ареста и высылки. Конечно, выполнить это требование отец Николай не мог. Он был вновь арестован. В этот раз заточение продлилось два месяца.

За усердное служение Церкви Христовой и мужественное противостояние обновленческому расколу священноначалие назначило протоиерея Николая Ермолова благочинным Ордынского округа.

27 июля 1937 года, во время очередной волны страшных гонений на Русскую Православную Церковь, отец Николай вновь был арестован. Сначала он был посажен в камеру предварительного заключения при Ордынском отделении милиции, а потом переведён в тюрьму города Новосибирска.

У благочестивого священнослужителя Русской Православной Церкви выбивали признание в том, что он создал контрреволюционную группу, требовали назвать имена сообщников в борьбе против советской власти. Но святой пастырь мужественно отвергал всякую клевету, будучи укрепляем от Христа Спасителя, Который перед смертью на Кресте также терпел клевету от врагов Своих. «Руководителем повстанческой контрреволюционной организации я не состоял и даже об этой организации ничего не знал и не слышал и контрреволюционной деятельностью никогда не занимался», — твёрдо отвечал на провокационные вопросы следователей священномученик Николай.

Гонители Церкви хотели обвинить доблестного страдальца и в том, что он якобы готовил поджог паровой мельницы в колхозе «Сибирское Красное Знамя» и здания начальной школы в деревне Ирменка. Но и эти показания некоей лжесвидетельницы отец Николай также категорически отверг.

Вместе с протоиереем Николаем Ермоловым был арестован и священник Иннокентий Кикин.

Священник Иннокентий Кикин родился 12 февраля 1878 года в селе Ушковском Каинского уезда Томской губернии, в семье священника. После окончания в 1899 году Томской духовной семинарии Иннокентий Кикин 18 августа 1900 года был определён во псаломщики, а 3 декабря 1902 года назначен учителем подготовительных классов Томского духовного училища.

21 сентября 1910 года он был рукоположен во священника Никольской церкви села Нижне-Каменского Барнаульского уезда (ныне Ордынского района Новосибирской области), в которой прослужил до самого своего ареста в 1937 году.

Летом 1937 года сотрудники НКВД арестовали группу духовенства Ордынского благочиния. Отец Иннокентий был арестован 28 июля 1937 года и помещён сначала в камеру предварительного заключения при Ордынском отделении милиции, а затем переведён в тюрьму города Новосибирска.

Отца Иннокентия обвиняли в контрреволюционной связи с протоиереем Николаем Ермоловым, а также в том, что он провёл у себя в храме собрание прихожан «с целью срыва антирелигиозной беседы, проводимой сельским активом». Эта «антирелигиозная беседа» была устроена властями для того, чтобы подготовить закрытие церкви в селе, а пастырь Божий, напротив, срочно организовал её ремонт. На ремонте храма работали даже жители соседних деревень.

На следствии священник мужественно отвечал гонителям: «Мой арест был необходим, потому что без меня легче отобрать церковь, так как теперь среди верующих не осталось человека, знающего законы. А для этого меня и арестовали».

— Вы были против закрытия церкви? — спрашивал следователь.

— Совершенно верно. Я был против закрытия церкви и положил много сил для этого. Я старался произвести ремонт и говорил своему церковному совету о том, что если придёт из краевого исполкома отношение о закрытии, то можно ещё ходатайствовать перед ВЦИКом, ну а если из ВЦИКа придёт постановление о закрытии, то уже больше ходатайствовать не перед кем, — отвечал отец Иннокентий.

— Следствием установлено, что вы являетесь активным участником контрреволюционной повстанческой организации. Дайте показания по данному вопросу, — потребовал следователь.

— Участником контрреволюционного движения я не состою и не состоял, и никто меня в контрреволюционную организацию не вербовал.

— Вы признаёте себя виновным в предъявленном вам обвинении? — спрашивал следователь.

— Виновным в предъявленном мне обвинении себя не признаю и больше по делу показать ничего не могу, — отвечал священник.

Как и его собрат по священнослужению протоиерей Николай Ермолов, отец Иннокентий не признал ни одного из возводимых на него обвинений в контрреволюционной деятельности.

1 октября 1937 года «тройка» НКВД приговорила протоиерея Николая Ермолова и священника Иннокентия Кикина к расстрелу. Мужественные страдальцы за Христа были расстреляны 26 октября 1937 года в Новосибирске и погребены в общей безвестной могиле.

Но прошло время, и неправда мучителей была явлена всему миру. Постановлением Президиума Новосибирского областного суда от 2 августа 1958 года постановление тройки УНКВД от 1 октября 1937 года было отменено и дело в отношении протоиерея Николая Ермолова и священника Иннокентия Кикина прекращено за отсутствием состава преступления.

В 2001 году в Новосибирской епархии была сформирована Епархиальная комиссия по канонизации во главе с архиепископом Новосибирским и Бердским Тихоном (ныне — митрополит Владимирский и Суздальский). Эта комиссия передала в Москву на рассмотрение Синодальной комиссии по канонизации материалы о жизни и подвигах протоиерея Николая Ермолова и иерея Иннокентия Кикина. Синодальная комиссия, рассмотрев материалы, присланные из Новосибирска, вынесла решение передать их в Священный Синод.

24 апреля 2002 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и Священный Синод Русской Православной Церкви приняли решение о прославлении протоиерея Николая Ермолова и священника Иннокентия Кикина в лике священномучеников для общецерковного почитания и включения их имён в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской XX века.

Торжественное прославление священномучеников Николая и Иннокентия, пресвитеров Новосибирских, состоялось 23 мая 2002 года во время Всенощного бдения в Вознесенском кафедральном соборе города Новосибирска. Определение об их канонизации зачитал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Архипастыри, священники, диаконы и многочисленные миряне, собравшиеся в Новосибирске по случаю празднования Дней славянской письменности и культуры, впервые пропели величание новосибирским новомученикам.

Молитвами священномучеников Николая и Иннокентия, пресвитеров Новосибирских, Господи, помилуй нас грешных. Аминь.

+ + +

Тропарь священномученикам, глас 2

Вéлия правосла́вныя вéры исправлénия: / в лю́тых гонéнии на Цёрковь
Бо́жию, / я́ко в черто́зех упокоéния, / в ра́нах и ўзах ра́довастеся, / Крест
бо Христов на ра́мо взéмше, / вéрою и любóвию Тому́ послéдовали есте́ /
в надéжди живото́а вéчнаго, / новомученицы Николае и Иннокéнтие, //
моли́те Пострада́вшего нас ра́ди спасти́ ду́ши на́ша.

Ин тропарь, глас 4

Днесь, благовэрнии лю́дие, соше́дшеся восхва́лим / священномученик
новосиби́рских двóицу Никола́я и Иннокéнтия: / тии бо в годи́ну лю́тых
гонéний от безбо́жных пострада́ша / и венцы́ нетлénными от Пастыре-
нача́льника Христа́ венча́шася, / и ны́не, предстояще престóлу
Вседержи́теля, / Того́ я́ко блага́ мо́лят / утверди́ти страну́ на́шу в
Правосла́вии и единомы́слии, / уми́рити мир // и спасти́ ду́ши на́ша.

Кондак, глас 8

Вéру Христо́ву я́ко щит, / в се́рдце приéмше, святы́и новомученицы, /
клеветы́ челове́ческия и лю́тых страда́ний не убо́ястеся, / но посреде́
мучéний Бо́га призва́сте, / и ны́не ускори́те на по́мощь на́шу, // я́ко прис-
носла́внии.

Молитва

**святым священномучеником Николаю и Иннокентию,
пресвитерам Новосибирским**

К вам ныне, святии священномученицы Николае и Иннокентие, усердно притекаем и со умилением молимся: молитвами вашими утвердите веру нашу православную, укрепите надежду на помощь Божию, и жертвенная любовь да соединит нас в служении Богу и ближним во спасение душ наших. Граду нашему испросите благословение небесное, страхе Сибирстей ограждение от нашествия иноплеменных, отпадшим от веры православная просвещение светом Христовым, служителем Церкви ревность о спасении пасомых, детям заповедей Божиих хранение и всем чтущим вас в делах веры и любви благое поспешение. Да вашею ревностью о славе Божией укрепляемии, прославим Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

+ + +

Память священномучеников Николая и Иннокентия, пресвитеров Новосибирских, совершается три раза в году:

13 (26) октября — в день их мученической кончины († 1937);

25 января (7 февраля) — в Соборе новомучеников и исповедников Российских, если этот день совпадает с Воскресным днём, а если не совпадает — в ближайшее Воскресенье после 25 января (7 февраля);

10 (23) июня — в Соборе Сибирских святых.

Собор Сибирских Святых

Всеблагий Господь, просветивший землю Сибирскую светом евангельским, прославил в ней и святых Своих, в различное время и в различных местах Сибири благочестно поживших. От восточных окраин Сибири до Уральских гор и от севера Сибири до южных границ страны Русской земля Сибирская освятилась стопами святых угодников Божиих.

На Дальнем Востоке в апостольском проповедании подвизался святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский. Близ Урала свидетельствовал о Христе святой праведный Симеон Верхотурский. У полярного круга скончал своё земное течение святой мученик Василий Мангазейский. На южных границах Сибири подвизались иркутские святители и чудотворцы — Иннокентий и Софроний. В Западной Сибири приняли мученическую кончину пресвитеры Николай и Иннокентий. Одни из них прославились в древние времена, другие — в недавнее время. Ныне Собор Сибирских святых сияет в сонме всех святых, в земле Русской поживших и Богом прославленных, и украшает Церковь Русскую.

Если святые имели попечение о братьях своих в земной жизни, то ещё большую ревность о нашем спасении они имеют теперь, когда молитвенно предстательствуют перед Богом за землю Сибирскую, за страну нашу и за всех верных чад Церкви Божией. Вкупе с Матерью Божией, Которая через чудотворные иконы Свои распространяет Покров Свой над землёй Сибирской, святые угодники Божии помогают, защищают и сохраняют нас от бед, болезней и вражних обстоятельств, если мы сами не забываем об их предстательстве и о необходимости свято чтить святую память их.

Назидательна жизнь каждого святого, поэтому православные насельники Сибири имеют возможность поучаться у тех избранников Божиих, которые прежде них благочестно пожили на этой земле. Для православных насельников Сибири должно быть драгоценно всякое предание, связанное с жизнью сибирских святых. Если же мы начинаем забывать о своих небесных молитвенниках и покровителях, то сразу же лишаемся тех благодеяний Божиих, которые получали по молитвам сибирских святых благочестивые почитатели памяти их.

У святителя Иоанна, митрополита Тобольского, нам надлежит поучиться истинному благочестию и всеусердному исполнению воли Божией. У святителя Иннокентия, епископа Иркутского, — непорочному житию и терпению в перенесении скорбей в течение всей земной жизни. Святитель Софроний учит нас пламенной любви к Богу и ближним. Святой мученик Василий, мангазейский чудотворец, представляет нам образ терпения в страданиях за истину Христовой веры. Праведный Симеон Верхотурский своим житием учит нас трудолюбию. Павел, святитель Христов, даёт нам пример ревности и о славе Божией, и о Церкви Христовой. Святитель Мелетий является для нас учителем постнического жития и нищелюбия. Святитель Иннокентий, апостол Америки и Сибири, преподобный Макарий Алтайский и святитель Макарий, митрополит Алтайский, побуждают нас заботиться о просвещении светом Евангелия Христова тех, кто ещё не знает истины о Боге. Священномученики Николай и Иннокентий учат нас крепкому стоянию за Церковь Христову и Веру Православную в години тяжких испытаний, являют собой пример верности Христу Спасителю и Святому Православию. И все святые научают нас правильному шествованию в Царство Небесное.

Господь один знает всех святых Своих. Мы же можем и должны молиться тем избранникам Его, которых Святая Церковь для нашего спасения прославила в лике святых Божиих. История Церкви Сибирской знает и множество подвижников благочестия, которые ныне также предстательствуют пред Престолом Божиим за почитающих память их. Земля Сибирская собрала и множество стоятелей за правду Божию, которые конец своего земного жития по воле Божией обрели в земле, прежде для них неведомой. И все они — ведомые и неведомые нам подвижники веры и благочестия — ныне составляют сонм наших молитвенников и покровителей. Да подаст нам Господь по молитвенному предстательству их и по молитвам Божией Матери мир, преуспевание в добродетельном житии, веру непоколебимую и любовь нелицемерную. Аминь.

Вси святии, молитесь Бога о нас!

Сибирский Месяцеслов

Ст. стиль	Нов. стиль	
21 декабря	3 января	Святителя Филарета (в схиме Феодосия), митрополита Киевского (†1857).
27 декабря	9 января	Архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама (†1802).
4 января	17 января	Святителя Симеона, митрополита Смоленского (†1699).
14 января	27 января	Святителя Мелетия, епископа Рязанского (†1900).
20 января	2 февраля	Святого праведного Феодора Кузьмича Томского (†1864).
25 января	7 февраля	Собор новомучеников и исповедников Российских.
9 февраля	22 февраля	Святителя Иннокентия, епископа Иркутского (†1731).
28 февраля	12 марта	Святителя Мелетия, архиепископа Харьковского (†1840).
4 марта	17 марта	Святого праведного отрока Петра Томского (†1820).
9 марта	22 марта	Албазинской иконы Божией Матери «Слово плоть бысть».
23 марта	5 апреля	Святого мученика Василия Мангазейского (†1602).
27 марта	9 апреля	Святителя Антония, митрополита Тобольского и Сибирского (†1740).
30 марта	12 апреля	Святителя Софрония, епископа Иркутского (†1771).
31 марта	13 апреля	Святителя Иннокентия, митрополита Московского (†1879).
15 апреля	28 апреля	Преподобного Даниила Ачинского (†1843).
16 апреля	29 апреля	Святого блаженного Иоанна Верхотурского, Христа ради юродивого (†1701).
10 мая	23 мая	Святого мученика Василия Мангазейского (†1602). Преподобного Синесия, архимандрита Иркутского Вознесенского монастыря (†1787), сподвижника святителя Софрония, епископа Иркутского.
14 мая	27 мая	Преподобного Андрея, игумена Рафаиловского, Тобольского (†1820).
15 мая	28 мая	Преподобного Арефы, архимандрита Верхотурского Николаевского монастыря (†1903).
18 мая	31 мая	Преподобного Макария, архимандрита, первого начальника Алтайской Духовной Миссии (†1847).
31 мая	13 июня	Святителя Филофея (в схиме Феодора), митрополита Тобольского (†1727).
10 июня	23 июня	Святителя Иоанна, митрополита Тобольского и всея Сибири чудотворца (†1715). Собор Сибирских Святых.
24 июня	7 июля	Святителя Герасима, епископа Астраханского и Енотаевского (†1880).

30 июня	13 июля	Святителя Софрония, епископа Иркутского (†1771). Праведного Стефана Омского (†1876).
8 июля	21 июля	Тобольской иконы Божией Матери «Казанская».
20 июля	2 августа	Абалацкой иконы Божией Матери «Знамение».
27 июля	9 августа	Преподобного Германа Аляскинского (†1837).
12 сентября	25 сентября	Святого праведного Симеона Верхотурского (†1642).
21 сентября	4 октября	Святителя Дмитрия, митрополита Ростовского (†1709).
5 октября	18 октября	Преподобного Варлаама, пустынника Чикойского (†1846).
13 октября	26 октября	Священномучеников Иннокентия и Николая, пресвитеров Новосибирских (†1937).
28 октября	10 ноября	Святителя Дмитрия, митрополита Ростовского (†1709).
1 ноября	14 ноября	Святого блаженного Космы Верхотурского, Христа ради юродивого (†1706).
4 ноября	17 ноября	Святителя Павла, митрополита Тобольского и Сибирского (†1770).
26 ноября	9 декабря	Святителя Иннокентия, епископа Иркутского (†1731).
27 ноября	10 декабря	Абалацкой иконы Божией Матери «Знамение».
13 декабря	26 декабря	Преподобного Германа Аляскинского (†1837).
16 декабря	29 декабря	Святой блаженной Домны, старицы Томской (†1872).
17 декабря	30 декабря	Преподобного Мисаила, иеромонаха Абалацкого монастыря (†1852).
18 декабря	31 декабря	Святого праведного Симеона Верхотурского (†1642).